

ЦЕСТЬ ПРЕТОРИАНЦА
РЕГИНА ГРЕЗ

Регина Грез
Древний Рим.
Честь преторианца
Серия «Виражи Времени»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68778567

Древний Рим. Честь преторианца:

Аннотация

Валентина хотела провести отпуск в Абхазии, но оказалась в Древнем Риме.

Гвардеец Борат был предан императору, невзирая на все его чудовищные привычки. Когда во дворце появилась привлекательная и общительная чужестранка, солдат не смог оставаться безучастным к просьбам о помощи.

В сердце Бората идет мучительная борьба перед воинским долгом и желанием защитить ту, что разбудила почти забытые мечты о семейном очаге.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	56
Глава 8	66
Глава 9	72
Глава 10	81
Глава 11	88
Глава 12	93
Глава 13	102
Глава 14	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Регина Грез

Древний Рим

Честь преторианца

Глава 1

Хочу в отпуск

Наши отношения с Романом зашли в тупик. Женаты мы третий год, на детей не решились, крепкими друзьями не стали, а теперь уже который месяц спим в разных комнатах.

Из совместного имущества только большой телевизор и компьютер, который, надеюсь, Ромка все-таки отдаст мне, не зря же я выплачивала за него кредит. Расстанемся спокойно, без взаимных упреков. Какие могут быть претензии? Взрослые, интеллигентные люди, не стоит тарелки бить зря.

Любовь вспыхнула на последнем курсе Истфака, переехали в однокомнатную квартиру, доставшуюся Роману в наследство, первое время честно пытались играть роли влюбленных молодоженов.

Потом я устала притворяться, что меня устраивает семейная жизнь с постоянными мелкими ссорами и недопониманием. Мы оказались совершенно разными людьми. Именно

различие зарядов вначале привело к искрометной страсти и неудержимому притяжению, а потом нам следовало бы оттолкнуться друг от друга и дальше идти каждому своим путем.

Но в паспортах уже стоят черные штампы, свадебное платье висит на плечиках в чехле, родители по старинке хранят в альбомах кадры первых шагов молодой семьи.

Наш союз был ошибкой и хорошо, что хватило ума вовремя признать этот печальный факт. Уже собрались подавать документы на развод, как вдруг задумались, а что же делать с авиабилетами...

Дело в том, что супруг не представляет жизни без ежегодного отпуска на черноморском побережье. Дикий отдых в Геленджике, Анапе, в окрестностях Сочи – вот предел его мечтаний. Роман великолепно ориентируется в этих чудных краях, его прадед родом с Майкопа, бабушка проживала в Лабинске и каждое лето нежного внука увозили набираться здоровья к истокам родной земли.

Сейчас он вроде бы самостоятельный мужчина, но с грехом пополам окончив учебу, никак не может найти свое место под переменчивым сибирским солнцем.

Помимо отдыха на пляже Роман обожал лежать дома с баночкой пива, просматривая скачанные с торрентов телефильмы или подолгу зависал в компьютерных онлайн-играх.

На работе благоверного не ценили, он постоянно занимался поиском новых заработков, правда, не особенно успешно.

Наш скромный бюджет вытягивала моя зарплата учителя истории.

Например, весь предыдущий год мы выплачивали долги за прошлую поездку в Лазаревское, а нынешней зимой Роман «почти даром» выкупил авиабилеты до Адлера, чтобы в августе побывать в солнечной Абхазии. И вдруг в июле я предлагаю развод. Что же теперь делать – "сдавай Валя билет, пропадай путешествие?"

В Авиакомпании любезно пояснили, что полную стоимость билета вернуть не могут, поскольку уже приближается время вылета. Это было обидно, и честно сказать, сама я не прочь посмотреть Гагры.

Тем более, как спутник в туристической поездке Ромка – отличный парень: веселый, деятельный, внимательный к напарнице при условии, что она будет хорошо кормить его в пути.

Может, ничего и не стоит отменять, а поехать на юг дружеской парой, тем более, что заявление о расторжении брака рассматривается как раз около месяца?

После серьезного разговора так мы и решили поступить. У обоих разом гора сошла с плеч. Роман предвкушал приморские развлечения, тщательно подбирал летний гардероб и любимые гаджеты – шорты с кокетливым осьминогом, купальные плавки трех видов на разное время суток, очки а-ля Лепс и водонепроницаемые часы для пущей крутизны образа южного плейбоя.

Похоже, мысль о том, что эта поездка у нас последняя из совместных не особенно его огорчала. Ничего-ничего, он обаятельный, когда ему нужно, легко найдет себе новую подругу!

Эх, Ромке бы даму постарше да с деньгами, чтобы катала его по курортам, принимала галантные ухаживания – и жили бы они душа в душу.

А мне пора подумать о будущем, мне нужен человек основательный, мечтающий о семье и детях, притом, способный эту самую семью прокормить. Конечно, с моей же помощью, я ни у кого на шее сидеть не собираюсь.

Смахивая невольные слезы, начала упаковывать и свою дорожную сумку. В конце концов, я точно заслужила полноценный отпуск после девяти месяцев суетливой работы в школе. Может, теперь, уйдя от Романа, я смогу изменить к лучшему и свою несколько однообразную жизнь...

Какие уж тут юга, какие пальмы и побережья! На сапоги бы новые наскрести да на выходное платье, а еще зимнее пальто давно обновить хочется. Господи, сколько всего надо современной молодой женщине с небольшой зарплатой, если ее родители не олигархи, а мужа-министра не предвидится на горизонте!

Нет, я не жалею, я смотрю вперед с оптимизмом. Зачем хандрить, если имеется голова на плечах и любимая профессия, которая хоть не озолотит, но всегда даст уверенность в своих силах. На сапоги и шубку заработаю себе сама.

Надо еще взять в дорогу что-то почитать, не люблю зря терять время, скучая в залах ожидания. Вот теперь в дамской сумочке лежат две маленькие книжки: иностранный любовный роман в историческом антураже, увидела в киоске яркую обложку – не смогла пройти мимо, и старенький сборник русских поэтов от серебряного века до начала восьмидесятых.

Очень уважаю поэзию, а карманный формат и мягкий переплет позволяет держать старенькую книгу при себе в долгих поездках. К тому же, говорят, заучивание стихотворных строк наизусть отлично развивает память. Ценное качество для любителя истории.

Глава 2

Мечты сбываются слишком быстро

Дорога от Адлера в Гагры показалась мне сказкой. Пройдя томительную проверку на границе, наше такси помчалось вдоль побережья Черного моря. Дух захватывало от вида багровеющего заката и спокойной морской глади, воздух казался удивительно теплым после дождливой прохлады сибирского июня, по обочинам дороги росли настоящие пальмы и банановые рощицы.

Сердце мое пело, будто я приближалась к земному Эдему. Вообще за границей я отдыхала только один раз в Египте. Родители сложились деньгами и подарили свадебное путешествие, учтя пожелания Романа. Муж был счастлив, а я больше хотела увидеть Средиземное море, но уступила.

Моя заветная мечта – Италия! Остров Капри... Эа... живописное Сорренто! Еще хотелось побывать в Греции или на Крите. Всегда испытывала особый интерес к удивительной истории Древнего мира. Шумные полисы Эллады и философские беседы в тени оливковых рощ, богатый и развращенный Рим, карнавалы Сатурналий и помпезные триумфальные шествия.

Значительную роль в формировании моего пристрастия

сыграли, конечно, кинофильмы и многочисленные книги, что я прочла, желая утолить свое любопытство и напитать фантазии яркими сценами гладиаторских поединков, императорских приемов, военных походов и обыденных картин жизни Великого города.

Пребывая в самом возвышенном расположении духа от вида окрестных пейзажей, а также радуясь немалой скорости нашего авто по петляющей дороге, я тут же загадала желание – однажды попасть в Рим. Чего бы мне это не стоило... Машину тряхнуло на ухабе, водитель витиевато выругался, очарование южного вечера немного померкло.

Уже в темноте нас завезли в семейную гостиницу, где накормили остывшим пловом, подсохшей самсой и кисловатым домашним вином. Завтра надо бы хорошенько осмотреться, подыскать жилье получше – отсюда до моря далеко-далеко и слишком шумно во дворе.

Несмотря на то, что было далеко за полночь, музыка не смолкает, гости на веранде курят кальяны, смеются, балагурят. Зато Ромчика все устраивает – хозяйка щедро угощает алкоголем, хозяин приглашает сыграть в нарды, публика интересная, плата вполне по нашим скромным средствам.

– Валя, ты как хочешь, а мне здесь нравится. Я остаюсь.

Спорить с тем, кто пока еще мне супруг не стала, добралась до постели и провалилась в сон с одной мыслью – обойти утром все домики поближе к морю, попроситься на постой к добрым людям, раз уж мы дикарями приехали сюда

отдыхать.

Да, я решила поселиться сама по себе. Пусть Ромка тусуется в первой попавшейся гостинице – он любит толпу, веселье, шумное застолье. А захочет искупаться – пробежаться с километр по жаре ему даже полезно.

Однако мои планы на следующий день подлежали серьезной корректировке. Романа с раннего утра мучило жуткое похмелье и вселенская хандра плюс желудочные спазмы, пришлось мне искать магазинчик с минералкой, а заодно и аптеку. Нет, детский сад на выезде!

Я приехала отдыхать на море или возиться с великовозрастным «малышом», который к тридцати годам не знает свою меру в выпивке?!

Когда дело дошло до слезливых признаний в любви и попыток залезть мне под юбку, я просто сбежала. Год назад еще можно было расчувствоваться, пожалеть и простить, сейчас уже знаю сценарий наизусть. Надоело.

Обеспечив напарника всем необходимым, я отправилась в центр города. От вчерашнего приподнятого настроения не осталось и следа. Не радовали уже ни цветущие олеандры, ни свежий морской бриз. Решила побродить по ближайшему открытому рынку – просто поглазеть на дары местных огородов и бесчисленные сувениры.

Вскоре привязался молодой горячий парень с комплиментами, совсем ни к чему мне такое пылкое внимание. Зашла в узенький переулок, спряталась от нечаянного ухажера в би-

стро, а там заказала хачапури с пылу с жару и зеленый чай.

Пока ожидала заказ, разглядывала картины на стенах – одна сразу привлекла внимание. Город у моря. Яркие краски. Широкие смелые мазки. Почему-то интуитивно поняла, что это Италия. Именно старая Италия.

Как бы я хотела туда попасть, хотя бы во сне. Побродить по древним Помпеям, еще не погребенным под слоем вулканического пепла, посетить Геркуланум и портовую Остию. И, конечно же, Рим – величественный, залитый солнцем, простиравший свое влияние далеко за пределы Аппенин. Эх...

За окном послышался зычный голос из рупора, как будто глашатай зазывал народ на площадь возле небольшого рынка.

– Не знаете, что там происходит? – спросила я у работника кафе, тщательно протиравшего соседний столик. Мне охотно ответили:

– Тут в обед обычно организуют представление для туристов – идет реклама морских прогулок на яхте. А еще можно конный маршрут выбрать до водопадов. Абхазская усадьба тоже хорошо, попробуете настоящей мамалыги – это такая рассыпчатая каша из кукурузной крупы. Вот у меня есть буклеты, посмотрите, если интересно. А в Сухуме не были? Брат возит недорого. Обезьяний питомник не хотите посетить?

Я быстренько набросала примерный маршрут экскурсий на ближайшие три дня. Ромчик может сгореть дочерна на пляже и проиграть в нарды последние штаны, пока я буду ис-

следовать окрестности города и наслаждаться природой черноморского побережья. А Рим подождет. Как-нибудь в другой раз. Или в следующей жизни...

Полная оптимизма я уже с вожделием смотрела на дымящиеся лепешки с начинкой из сыра и зелени. Долой уныние и скуку! Я широко улыбнулась висевшей на стене картине древнего города и даже несколько театральным жестом подняла вверх кружку с зеленым чаем. Увы, не с бокалом фалернского сорокалетней выдержки.

И все-таки – Viva Roma!

Неожиданно я почувствовала легкое головокружение. И когда только успела перегреться, ведь даже на солнце сегодня почти не была.

Странное состояние, почему-то руки замерзли, и сердце часто колотится. Не бывало со мной прежде таких неприятностей. Наверно, перенервничала утром, когда выясняли отношения с Ромкой. И вообще последние месяцы были напряженные.

Я отодвинула в сторону блюдо с едой и прикрыла глаза руками, пытаясь глубоко дышать. Почему здесь так душно и шумно, толпа аниматоров заглянула перекусить? Какая вонь – горелая рыба и прогорклое масло... Ох, мой чрезмерно чувствительный нос! Заходя в кафе, почему-то не замечала столь неприятных запахов. Иначе бы вовсе не стала задерживаться.

С некоторым раздражением я отняла от лица ладони и

тотчас ужаснулась. Так ведь было чему – помещение неузнаваемо изменилось. Вместо комнаты с пятью аккуратными столиками и барной стойкой в углу я находилась в большом зале, потолок которого держался на нескольких четырехгранных колоннах из закопченного дерева.

С вершин столбов на железных цепочках свисали архаические светильники, часть из которых была зажжена. Но самое удивительное – в глубине залы горел настоящий очаг, а люди, сидящие на корточках у огня, похоже, следили за вертелами с мясом. Что за чудеса! У меня галлюцинации начались?

Вокруг в беспорядке были расставлены грубо сработанные деревянные столы, а за ними на скамьях и табуретах полно народу и все вопят пьяными голосами.

Я попыталась вскочить и убраться на улицу, отчего-то решила, что наваждение пройдет на свежем воздухе, но чья-то рука бесцеремонно дернула меня обратно на скамью, а лысоватый дядька заорал прямо в ухо:

– Чего скучаешь одна, красотка? Посиди с нами, выпей вина и повеселеешь. Эгей! Прокт, тащи сюда еще секстарий своего пошла для моей новой подружки. И не забудь подать вяленой трески, недаром отец таскает тебе каждое утро свежий улов.

У меня не было разумного объяснения происходящему, пожалуй, только одна смутная мысль билась в голове, как рыбешка в сети: «Это розыгрыш, рекламный трюк для посе-

тителей кафе».

Ловко работают местные виртуозы, вот только я представлений не заказывала и платить за пошлое комедианство не собираюсь. Но как же быстро они обстановку сменили – на дощатом полу подозрительные лужи, между грязными столами шныряют растрепанные девки с кувшинами. А вообще, качественная постановка. Таверна старого приморского городишки вполне могла иметь такой внутренний облик.

– Спасибо! Простите, но мне пора.

Я пытаюсь вежливо проститься, поправляю на плече сумочку, а полноватый круглолицый мужчина поднимается следом, не спуская с меня зовущего взгляда. И вдруг высокомерно заявляет:

– Чего ты жмешься, красавица, я заплачу тебе целых пять ассов, если пойдешь со мной. Или приглядела дружка богаче? Назови его имя, блистательная, сейчас же пойду и проткну как мурену для стола Цезаря. Не будь я сам Фарбий Эдей – лучший гистрион Рима.

Толстячок забавно сдвинул брови и свирепо выпятил нижнюю губу, бешено вращая глазами. Вот это было смешно! Я не удержалась от аплодисментов.

– Здорово! Я только вчера приехала в город, вышла побродить по улицам, ничего еще не видела толком. Но при чем здесь Рим... Ах, это связано с антуражем кафе... да-да, я видела картину...

– Ты приехала одна? – мужчина перебил меня и снова по-

пытался обнять, присев рядом.

Немало смущала подобная фамильярность, но, возможно, это была часть сценария. Как бы поскорее откланяться и выйти из шумного балагана...

– Меня ждет муж, ему нездоровится. Дайте уже пройти!

– Славное дело! – заорал толстяк в каком-то диком восторге, – Твой муженек болен, а ты пришла развлекаться в кабак, наверно, твой благоверный по-свински обошелся с тобой, а?

Актер игриво подмигнул, масляно улыбаясь.

– Я точно сумею тебя утешить. В каком образе мне предстать, чтобы произвести лучшее впечатление? Тебе нравятся робкие юнцы или суровые мужи? Всадники или торговцы? Выбирай – для тебя я готов сыграть самого Юпитера.

Ну, это уж перебор! Я пулей вскочила из-за стола и бросилась искать выход, чуть не налетев на молоденькую девчушку, тащившую поднос с рыбой. Все понимаю – декорации, музыка, историческая атмосфера, но как могли измениться размеры кафе, куда исчезли двери?!

Пока лихорадочно искала пути к бегству, взгляд наткнулся на неопрятно одетых людей – лысых и чрезмерно обросших, а под ногами хрустели рыбы кости, черепки разбитой посуды и прочий мусор.

Меня трясло от осознания чего-то непоправимого, а тут еще новый знакомый идет следом, заваливаясь на соседние столы и вызывая потоки брани со стороны икающих от

изобилия выпивки приятелей. Фарбий прижимал руку к груди и уморительно скалился, не спуская с меня мутных глазок. Смешно и жутко. Угораздило же попасть в притон!

Наконец удалось отыскать выход, и я рванула на улицу. А там уже начала метаться, задыхаясь от подступающей паники. Улица тоже неузнаваемо изменилась. Вместо современных городских строений и асфальтированной дороги, ведущей к рынку, передо мной возник жалкий поселок. Настоящие трущобы, как их описывают в классической литературе.

Низенькие лачуги из дерева или глины, даже не разберешь – все старое и ветхое, но вон там дальше возвышается многоэтажка, какой же убогий вид! Такое чувство, что дом скоро развалится, наверно, давно подлежит сносу и там никто не живет. Тогда почему белье развешано на веревках и звучит детский плач...

Вдобавок откуда-то остро пахнуло мочой и мокрой звериной шкурой. Так немудрено – низенький, худощавый мужчина задрал рубаху и справляет свою нужду прямо на стену таверны, из которой я только что выскочила. Неужели настолько пьян?

Теперь главный вопрос – как мне попасть обратно в Гагры, пусть и не самый идеальный приморский городок, так хотя бы знакомый, понятный. А тут кругом бардак и разруха. Как вообще меня сюда занесло? Отчего-то перед глазами проплыло видение картины со стены случайной «кафешки».

Что же получается – желание мое сбылось, и я сейчас на-

хожусь в Древнем Риме? Нет, так не бывает, не верю, только не со мной! Ноги тут же перестали слушаться и, чтобы не свалится в сточную канаву с помоями, я оперлась рукой о бревно, поддерживающее крышу таверны. Надо отдышаться и успокоиться, досчитать до ста и все вернется на свои места.

Я начала отсчитывать уже вторую сотню, когда ко мне подошел «лучший гистрион Рима». Если память не изменяет, гистрионами в древности называли актеров – обычно это были люди из низших слоев общества.

Они развлекали простолюдинов на площадях, подобно русским скоморохам, и знатных господ в театрах, но мало кому из бродячих актеров удавалось завоевать почет и уважение благородной публики. Впрочем, высшие сословия всегда пренебрежительно смотрели на представителей плебса, даже тех, кто их забавлял.

Я настороженно уставилась на актера, в лице которого сейчас читалось лишь искреннее участие.

– Девушка, тебе плохо? Не меня же ты испугалась, выскочив из «Хромого быка» как дрожащая лань? Или опасаясь гнева ревнивого супруга?

– Ваше имя Фарбий, правильно я поняла?

Актер эффектно закинул на плечо заплатанный конец зеленого плаща и приосанился.

– Прилично ли ответить на вопрос вопросом новым, о красавица... Но, так и быть, скажу, что Фарбием нарекли меня от рождения, видимо, так было угодно Фортуне. А как

твое имя, блистательная?

– Я – Валентина... И не надо меня постоянно красавицей называть.

Кажется, он не вполне расслышал мое имя, потому что двери таверны с грохотом распахнулись и оттуда вывалилась группа подвыпивших молодцов. Они во всю моченьку горланили песни, восхваляя Бахуса и Венеру, а еще, кажется, Приапа и его могучий... могучий... эм-м...

Я брезгливо попятилась, с тоской понимая, что провидение и не собиралось возвращать меня обратно в двадцать первый век. А тут еще высокий чернобородый мужик из этой компании направился ко мне, растопырив руки.

– Славная курочка! Не желаешь прогуляться до реки, там у меня спрятана лодка, покачаемся вместе на волнах славного Тибра.

Я уже не знала, где искать спасение, но Фарбий неожиданно за меня заступился.

– Проваливай, Гресс, разве не видишь, что малышка Валя предпочитает куда более просвещенных ухажеров. Вряд ли ты знаешь даже пару стихов из Катулла и уж точно не читал Сенеку. А значит, нечем тебе привлечь внимание столь утонченных особ! Ясно? Найди другую подружку на ночь.

Чернобородый замер с разинутым ртом, а я же, несмотря на свое щекотливое положение, прыснула от смеха. Возможно, начиналась истерика.

Фарбий был просто великолепен, я его уже нисколечко не

боялась. Актер совершенно не походил на головореза и на-
сильника. Может, сумею объяснить ему мою беду, и он чем-
то поможет. В любом случае, мне надо найти друзей, иначе
пропаду ни за грош или асс... интересно, какая сейчас у них
валюта в ходу.

Глава 3

Скрытые таланты

Сомневаюсь, что Фарбий Эдей поверил моему сбивчивому рассказу, но слушал актер очень внимательно. Мы сидели на старых бочках во дворе домика отца гистриона – рыбака по имени Пуго, и разговаривали почти до наступления темноты.

Смутные догадки не подвели, я на самом деле нахожусь в одном из беднейших округов Рима, в Затиберье, в центре Субуры. Здесь проживают мелкие ремесленники и рыбаки, красильщики и кожевенных дел мастера.

Оттого-то и запах на узких улочках стоит характерный, и жилища местных жителей не блещут позолотой: сплошь дерево, солома и глина, а весь мрамор и бетон остался на другом берегу мутного Тибра – там, где расположены дворцы и особняки патрициев, величественные форумы и базилики, храмы разным богам, амфитеатры, базары, ипподромы и бани. Чего стоит один только императорский дворцовый комплекс на Палатине.

Все это я неплохо знаю из лекций по истории Древнего мира. Но диплом-то я писала по восстанию наших декабристов, использовала богатый краеведческий материал.

Я отслеживала судьбу Муравьева-Апостола и Якушкина в

сибирской ссылке, а уж никак не эпоху правления Тиберия или его внучатого племянника, который, оказывается, сейчас в Риме у власти.

Хоть убей, не могу вспомнить императора Фурия. Не было такого имени в учебниках. Может, сей гражданин недолго правил? Неужели мне предстоит лично прояснить этот факт?! Вот так секретная миссия, не думала, не гадала, а в Древний Рим попала.

Вежливо обращаюсь к новому приятелю публичной профессии. Распив на двоих фляжку с кислым вином, в общении с сорокалетним актером мы запросто перешли на «ты».

– Дорогой Фарбий, теперь ты знаешь о моем путешествии во времени, что же мне посоветуешь?

– Положиться на волю богов, разумеется!

Вскоре стало ясно, что Фарбий счел меня выдумщицей, сбежавшей от грозного жениха или мужа на поиски приключений и более интересной жизни.

– Ты могла бы зарабатывать на пропитание своими сказками, я впечатлен.

И вот тогда-то, подавив тяжкий вздох, я и решила разыграть перед Фарбием роль безобидной авантюристки, желающей повидать мир. Так почему бы не начать маршрут с жалкой таверны в сердце Великого города?! Осталось решить совсем «легкие вопросы» – где мне жить и как добывать хлеб насущный.

В конце нашей содержательной беседы я напрочь отверг-

ла заигрывания разгумившегося гистриона, и мы пришли к некому компромиссу. Я продолжаю рассказывать актеру и по совместительству драматургу разные интересные истории, которые он будет использовать в своих пьесах, а также соглашаюсь играть в их труппе маленькие приличные роли. За эти услуги меня обязаны кормить и не давать в обиду всяким мужланам, охочим до женских прелестей.

И вообще, за свои двадцать семь лет я ни разу не слышала столько комплиментов своей внешности, как за один итальянский вечер. И кожа-то моя оказалась подобна белейшим сливкам, и глаза небесной синевы сразу после рассвета над морем, и губы как лепестки алой сирийской розы...

Кипарисовый стан также имел место быть, как и локоны цвета спелой киликийской пшеницы. А уж аромат моего дыхания можно было сравнить только с благовониями из Аравии.

Всегда считала, что у моего мужа хорошо подвешен язык в общении с женским полом. Полностью расположив меня к себе, Фарбий переплюнул Ромчика в два счета. Уже через пару часов общения с гистрионом мы стали друзьями, притом, в самом невинном смысле этого слова.

– Сначала я думал, что ты крестьянка, желающая легко подзаработать в городе, задрав пеплум перед первым, кто покажет монету. А потом пригляделся – нет, ты ни дня не стояла в поле под палящим солнцем, твои нежные ручки не знакомы с мотыгой. Опять же личико, как у благородной госпо-

жи и манеры знатной горожанки.

Фарбий улыбнулся, притворно грозя мне пальцем.

– Дай-ка я угадаю... Ты сбежала из богатого дома с пригожим бродягой, а он тебя обманул. Тебе стыдно возвращаться к родным, и денежки кончились. Но ты горда и можешь за себя постоять. Верно я тебя понял, Валия?

Потупив взгляд, я тут же кивнула, со всем соглашаясь. А толку спорить? Между тем Фарбий заявил, что ему понравилась моя история о провале во времени, и он непременно напишет комедию по ее мотивам. Итак, шальной ветер страстей занес любопытную красавицу из провинции в Рим и не куда-нибудь, а на окраину, где толчется простой грубоватый люд.

Взбудораженная последними событиями и вкусом забродившего винограда, я резко возмутилась:

– Что за печальный сценарий, друг? Пусть девушка приземлится сразу в императорском дворце и станет невестой самого Цезаря.

Фарбий громко рассмеялся, хлопая себя по круглым коленям.

– Наивное дитя, что ты знаешь о жизни подле нынешнего владыки Рима? Говорят, Фурий капризен и спесив, он, не задумываясь, посылает людей на казнь, а сам сочиняет стихи, глядя на мучения обреченного. Говорят, в эти моменты на Императора нисходит особенное вдохновение.

– Вот же старый извращенец! – не сдержалась я и сейчас

же закрыла рот ладонью. Может, не следует громко обзывать здешнего правителя. Все же главный человек в империи, как бы мне не попало за оскорбление его величества.

Почему-то император представлялся мне трясущимся стариком с мокрыми губами и блудливым взглядом. Этакой плюгавый тиран-кровопийца.

Однако, гистрион вряд ли походил на доносчика и шпиона, вместо того, чтобы сделать мне выговор, Фарбий огляделся по сторонам и, понизив голос, добавил:

– Так он еще молод, ему не более тридцати лет. Ходят слухи, что Фурий Германик Август тяжело болен головой. А как иначе объяснить его безрассудно дерзкое поведение с Сенатом? Я-то умею читать, и стараюсь следить за последними новостями в свитках, что вывешивают на форуме. Там почти каждый день пишут о раскрытии нового заговора и аресте кого-то из сановных толстосумов. А ведь имущество заговорщика идет напрямиком в императорскую казну.

– Ловко придумано! – я даже прищелкнула языком от удивления и потянулась, чтобы немного расправить уставшую спину.

Тогда Фарбий вылил себе в рот последние капли из фляжки и бухнулся передо мной на колени, начав декламировать какие-то смешные любовные стихи. Вот же припекло мужика!

Я тотчас смекнула, что могу отвязаться от его ухаживаний только одним способом – вызвав к себе профессиональный

интерес. Припомнив строки Осипа Мандельштама, я приняла театральную позу с вытянутой к небу рукой и мрачно произнесла:

*– Бессонница... Гомер... Тугие паруса
Я список кораблей прочел до середины...*

Покончив с Элладой, я перешла на Гумилева и на то, как «в далекой Сибири, где воет пурга, застывают в серебряных льдах мастодонты...».

Фарбий слушал, разинув рот от восторга, а я же роняла горькие слезы. Не то, чтобы мне было слишком жаль погибающих мамонтов или разоренную Троию. Нет... все это дела давно прошедших дней.

Сейчас я искренне переживала за свое будущее на Аппенинском полуострове времен начала нашей эры. Мне бы в этот момент даже сам Станиславский поверил, не то, что нищий гистрион, который вскоре схватил меня за руку и пылко произнес:

– Прелестная Валя! Ты должна выступить с нами завтра на Бычьем рынке. Думаю, соберется большая толпа. И в перерыве нашего «Обжоры» не худо бы занять народ драматической сценкой. У тебя прирожденный талант, женщина. Надеюсь, ты не стыдишься декламировать при большом скоплении народа? Больше смелости и тебя ждет успех. Я уже это вижу!

– Конечно, конечно, дорогой Фарбий! В поте лица буду зарабатывать себе на скромную жизнь.

Я грустно усмехнулась, припомнив, как тряслись у меня коленки, когда на урок истории пришла наша строгая директриса. И ничего, справилась, правда, от волнения пыталась писать на доске белым ластиком вместо мела – здорово повеселила класс. Но даже тогда я не ступала, а только руками развела, извините, мол, всякое бывает в учительской карьере.

Моя первая ночь в Риме выдалась теплая, зато свежий ветерок то и дело заставлял вздрагивать. Я обняла себя руками и заметила, что гистрион мой начал клевать носом. Надо бы где-то устраиваться на ночлег. Неужели после знатной пирушки он привык ночевать прямо на земле у порога своего дома?

Глядя на плотный, изрядно заплатанный плащ Фарбия, я легко могла в это поверить. Однако, перспектива просидеть до утра среди расколотых бочек меня не устраивала. Пришлось растолкать нового знакомого и посоветоваться насчет удобной постели.

По итогам разговора меня обозвали неженкой и недотрогой, намекнули, что спать в обнимку было бы куда удобнее и теплее, но остаток ночи я все же провела на лежанке внутри дома, в женском закутке, слушая через тонкую перегородку храп старого Пуго – отца Фарбия. Сам-то актер, кажется, убрался в поисках более сговорчивой подружки.

А мои глаза закрывались со смутной надеждой, что утром чары развеются, и я окажусь в Гаграх, пусть даже в одном номере с Романом. После трущоб римской Субуры этот факт меня бы уже мало расстроил.

Глава 4

В актерской среде

Меня разбудил шум голосов и грубый смех. Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь. Обстановка в комнате самая простая, маленькие окошечки затянуты мелкоячеистой сеткой, в углу старый сундук, прикрытый потертым ковриком, у моей кровати стоит трехногий табурет и низкий стол, заставленный глиняными плошками. Бедность и уныние царило кругом...

Одно из двух – здешним актерам так мало платят или Фарбий просто кутила и неудачник. А еще собирается взять меня в свою труппу. Курам на смех! Вот только выбора у меня нет. Никто же не собирается давать девушке из будущего пищу и кров за одни красивые глазки.

Значит, придется держаться гистриона, пока не разведу обстановку и не найду способ вернуться в свое время. Если это возможно в принципе. И еще как нарочно, очень хочется нормально позавтракать. Поднимаюсь, натягиваю свое легкое платье и осторожно выглядываю из-за пестрой лоскутной занавески во вторую комнату.

– Вот она, моя Муза! – завопил Фарбий, восседавший во главе кухонного стола, изрядно потемневшего от времени и густо искромсанного ножами для разделки рыбы.

– Доброе утро!

Я церемонно поклонилась, скрывая растерянность и беспокойство. Как мне повезло, что я знаю их язык, и эти люди меня понимают. Очень приятный бонус к факту перемещения во времени.

Вокруг актера, с интересом поглядывая на меня, сгрудились его ранние гости – высокий парень неопределенного возраста – лицо глуповатое, но телосложение атлетическое; полная женщина лет сорока с замысловатой прической и тощая молодая девица со злыми глазами. Она страстно обнимала Фарбия за шею, прижималась щекой к его виску.

«Да не собираюсь я посягать на твоего милого актера, успокойся, пожалуйста».

Царственный жестом Фарбий представил меня своим приятелям, и я с внутренним стоном поняла, что это и есть его хваленая труппа.

– Гамид – фокусник, жонглер и акробат. Наполовину египтянин по происхождению. Он играет любовников, солдат и хитрых адвокатов, а также разбойников и бродяг. Толстозадая Кармила отлично поет и веселит публику, изображая матрон, благочестивых матушек и пронырливых сводниц.

А вот и моя нынешняя любовь – черноглазая Физа! Ее работа – развлекать народ игривыми танцами, во время которых, как листочки с фигового дерева, будто ненароком слетает ее одежда. Ну, конечно, если на сцену летят не только

ассы, но и серебряные денарии.

– Чудесная компания! – я сдержанно улыбнулась, собираюсь назвать свое имя, однако Фарбий меня опередил, обращаясь к друзьям:

– Валяя прекрасно читает поэтические строки. Она из благородной семьи, которая собиралась выдать единственную дочь за человека из всаднического сословия. Но Валяя предпочла сбежать с бродячим актером. Трогательная история.

Фарбий звучно шмыгнул носом и часто заморгал, входя в роль.

– Долгие годы они вместе странствовали по нашим провинциям, пока не добрались до Рима. И только жестокое предательство разлучило возлюбленных. Я когда-нибудь напишу об этом трагедию, дорогая Фриза... Непременно напишу и прославлюсь. Но теперь Валяя одна и под моим покровительством, не обижайте ее. Сегодня мы вместе выступаем на Бычьем рынке. Я так решил.

Я только руками развела и тяжело вздохнула. Душесципательный вышел монолог о моей печальной судьбе. На лице толстухи отразилось что-то похожее на сочувствие, дряблые щеки затряслись, припухшие веки принялись быстро-быстро моргать.

Зато юная танцовщица так крепко стиснула шею своего «босса», что чуть не задушила в объятиях. А тот, кого называли Гамидом, подошел ближе и, не взирая на мое возмуще-

ние, приподнял подбородок, пристально заглядывая в глаза.

– Да она хорошенькая! Ее можно включить в представление о философе и козе. Эй! Покажи свои ноги, они достаточно ровные?

Когда мужчина попытался задрать подол моего платья, я возмущенно крикнула и толкнула его в грудь. А потом попыталась выбежать во двор, но запнулась у порога за свернутую рыбацкую сеть и растянулась на грязном полу. Фарбий и Гамид хохотали, Фриза ехидно улыбалась, жмурясь от удовольствия, а Кармила бросилась меня поднимать и утешать.

– Не обращай внимания на этих ослов, девушка, никто не заставит тебя танцевать гольшом, если сама не захочешь. Но, если уж ты с нами, то придется делиться всеми заработками.

– Вы о чем? – я держала на ушибленном колене мокрую тряпку, заботливо подсунутую «актрисой», по лицу моему текли слезы, пожалуй, это было самое отвратительно утро в жизни. А Кармила еще и запугивать принялась:

– Если будешь втихаря ублажать мужчин, имей в виду – треть денег отдаешь в общий кошель, мы уже восемь лет как одна семья, ну, Фриза недавно прибилась. Так что еще одна блудная дочь нам не нужна, уж не знаю, зачем Фарбий в тебя вцепился – неизвестно, как справишься на подмостках. Тебя могут высмеять и освистать, тогда он тебя прогонит. Нам не нужны скромницы и трусихи. Понятно?

Вытерев мокрое лицо тыльной стороной ладони, я покор-

но кивнула.

– Буду делать все, кроме раздевания и постельных услуг. Стихи, песенки, разные истории, смешные сценки, анекдоты... Постараюсь быть вам полезной. А сейчас дайте, пожалуйста, воды, чтобы умыться и чего-то поесть. Хоть немного, хоть хлебную корочку. Я сразу успокоюсь.

Совместный завтрак прошел уже в почти дружеской обстановке. Фокусник Гамид оказался не таким уж плохим парнем, он попытался еще разок меня облапить, но получил локтем в бок и с тех пор держался уважительно. Кармила строила из себя наставницу, и я ей подыгрывала изо всех сил.

Даже ревнивая Фриза немного расслабилась, когда я шепнула ей, что после всех передраг мой идеал мужчин – это почтенные седобородые старцы, согбенные под грузом мудрости.

Причем, старцы молчаливые и суровые, настоящие аскеты, не в пример болтуну и весельчаку Фарбию, который явно был любитель выпить и закусить. Даром что на завтрак нас ожидали сухие лепешки с оливковым маслом и мелкая жареная рыбешка.

Пока мы знакомились, отец актера приготовил для нас целый противень речного окуня от своего раннего улова. Старый Пуго, похоже, очень любил сына, раз не только терпел дома его шумных друзей, но и взял на себя обязанность их кормить.

Правда, самую лучшую часть добычи он отнес на прода-

жу, а нам было предложено довольствоваться неликвидом.

Мое появление тоже не вызвало вопросов у рыбака. Видимо, запасной состав труппы часто менялся, как и фаворитки любвеобильного актера.

Пока Фарбий и женщины, готовясь к репетиции, доставали из корзин свое барахло и баночки с ярким гримом, фокусник Гамид успел мне шепнуть, что «великий гистрион» родился рабом, но к счастью Пуго оказал своему хозяину какую-то большую услугу и тот сделал его вольноотпущенником, а жену и ребенка Пуго выкупил сам после нескольких лет тяжелого труда на промысловых судах.

Фарбию повезло обрести свободу, только идти по стопам отца и становиться честным работягой он не захотел, избрав ремесло уличного шута. Ах, да, он же еще сочиняет пьесы... Надо бы припомнить для него несколько сюжетов из Островского, а, может, «Ревизор» Гоголя подойдет?

Шекспир – это, конечно, истории на все времена! Так же как Лопе де Вега и его «Собака на сене». Хм, интересно, будет ли смотреться дородная Кармила в роли «дивной Дианы»? Нет, с Маргаритой Тереховой ей ни за что не сравниться. Впрочем, я еще не видела ни одного выступления коллектива Фарбия Эдея. А вдруг они и впрямь «лучшие гистрионы Рима»? Во всяком случае, скоро мне придется наблюдать их игру, а самое главное, реакцию взыскательной публики.

Солнце еще даже не было в зените, когда наш веселый коллектив с нехитрым скарбом направился по мосту через

Тибр к одной из центральных площадей Великого города. Несмотря на свой учительский отпуск, я решительно настроилась на первый рабочий день в Древнеримской империи.

"Не потопаешь – не полопаешь" – это правило действует во все времена и в любом государстве. Хотя некоторые личности умеют себя прокормить, всего лишь шевеля мозгами. Или рождаются с золотой ложкой во рту, как например император Фурий. Уж ему в это утро точно не придется развлекать публику на базаре – в отличие от меня.

Глава 5

Фурий Германик Август – император Рима

Полулежа на кровати из эбенового дерева молодой мужчина с бледным опухшим лицом и торчащими в разные стороны рыжеватыми волосами жадно пил из хрустальной чаши пузырящейся капустный сок. Вкус был не очень приятным, но свежая зелень сельдерея и кориандра придавали некоторую пикантность пресной жидкости.

Императора мучило утреннее похмелье, а капуста известное целительное средство от этого недуга. Местные лекари недаром считают капусту и свеклу панацеей от всех болезней, о чем Лукреций Кар писал даже в своем философском трактате.

Только надо ли слушать напыщенных болтунов – вон, Лепид уже вторую неделю обещает избавить Фурия от жжения в области груди, однако его настои и примочки помогают лишь на краткое время. Может, прав был знаменитый Эскулап, когда для благоприятного тока крови советовал умеренность в еде и длительные прогулки на свежем воздухе.

“О Венера, как же болит моя бедная голова... Уфф! Вчерашняя попойка дает о себе знать.

И все-таки жирный кабанчик, начиненный устрицами,

был очень хорош, а медноволосая Памфилла умеет улаживать мужчину, даже не заставив его вспотеть – все сделает сама, умница. Стоит ли насовсем забрать ее из дешевого лупанара или наведываться в «Лоно Венеры» пару раз в месяц... Впрочем, довольно разврата, пора подумать о бесценном здоровье."

Охая, Фурий схватился за грудь и тяжело поднялся с желтых пуховых подушек. Услужливый раб тотчас склонился в подобострастном поклоне:

– Господин желает посетить терпидарий?

Пару минут Фурий напряженно выбирал между омовением и утренним докладом своего наушника Рупилия – прилежного спутника еще во всех юношеских пирушках. Пожалуй, начать нужно с новостей, они могут вывалить в грязи не хуже помойки Субуры. А помыться лучше сразу после болтовни пожилого прихвостня.

– Позови сюда этого пройдоху! И пусть звучат арфы, у меня в ушах какой-то противный звон. Где Лепид? Пусть тоже явится и даст скорей средство от головной боли.

На мгновение приоткрылась тяжелая бронзовая дверь с золотыми вставками, в проеме показалась массивная фигура стража. Пропуская вперед шуплого человека в потрепанной оранжевой тоге, преторианец встретился взглядом с императором и даже был удостоен слабой улыбки и кивка венценосной головы.

Фурий давно отличал рослого гвардейца. Борат еще про-

стым легионером хорошо проявил себя в битве с тевтонами, а после смерти полководца Германика – отца Фурия, стал личным охранником молодого Цезаря.

Вот и сейчас Борат зорко следит за тем, чтобы в покои любимого императора не проник враг, но утренний гость вряд ли осмелится пронести с собой яд или нож, он слишком труслив и любит подачки "патрона". А если Рупилий и был замечен среди тех патрициев, кто все еще тайно вздыхает о республике, то Фурий не против. С помощью старого знакомого был раскрыт уже не один заговор против монаршей власти. И как удачно, что заговорщики оказывались богатейшими людьми! Фурию сейчас нужно много-много золота.

В порт Остии ежедневно приходят корабли с Востока. Трюмы переполнены пряностями и благовониями – ладаном и драгоценной смирной. Фрукты из Колхиды спешат попасть на стол императора, аравийские рубины и топазы жаждут украсить перстни на длинных нервных пальцах Фурия, сирийский пурпур пригодится для его парадного плаща, а ливанские кедры и слоновая кость пойдут на новое ложе в пиршественном зале. Да... пусть оно будет инкрустировано драгоценными камнями и опирается на львиные лапы.

Известно, что Эпикур учит умеренности и воздержанию, и ему вторит этот старый зануда Сенека. Но познать истинное смирение духа можно лишь после того, как отведаешь самых изысканных блюд и усвоишь суть запретных удовольствий.

Легко критиковать роскошь нищему актеру – он просто не знает, над чем потешается, дурень. А вот, попробуй-ка, воздержись от соблазнов в еде и телесных забавах, если ты уже давно знаком с их порочным очарованием. Истинный стоик лишь тот, кто, зная вкус амброзии пятидесятилетней выдержки из Фалерно, сам добровольно перешел на дешевое ватиканское вино.

"Посмотрел бы я на такого болвана!"

Фурий самодовольно улыбнулся. Резь в желудке сменилась легким чувством голода, и как обычно после трехдневного кутежа на императора снизошло желание заняться важными государственными делами, а прочее время посвятить высокому искусству.

Потому он благосклонным жестом подозвал к себе Рупилия и принялся заинтересованно расспрашивать о реставрации старого театра, что болтают на этот счет в Сенате и не замечены ли новые мздоимцы.

– Я назову его в честь моей несчастной сестры Марциллы, – рассуждал Фурий. – Она любила высокую поэзию и драматические пьесы. Я буду вечно чтить ее память. А мой народ должен понять разницу между мной и скрягой Тиберием. Уж я-то не буду, как он, прятаться на Капри, наблюдая, как чахнет от скуки великий город лишь потому, что собственный пенис одряхлел и уже не годится на Геркулесовы подвиги. Я заставлю чернь вопить от восторга при виде кровавых побоищ на арене цирка. Сброд любит глазеть на

чужую смерть.

Рупилий льстиво улыбнулся, но его хитрые глазки заметили болезненный румянец на впалых щеках императора. "Вчерашняя попойка удалась на славу и теперь повелителя мучит запоздалое раскаяние. Знакомо-знакомо... Хорошо бы расшевелить надменного юнца, возомнившего себя сыном Юпитера."

– Мне неловко сообщать, господин... Вчера все стены портика Ульпия опять были исписаны оскорблениями. Люди недовольны дороговизной хлеба, господин.

Побагровев, Фурий отвесил звонкую оплеуху рабу, который укладывал его непослушные жесткие волосы.

– Толпа сама не знает, чего хочет. Стадо баранов! Это сенаторы мутят воду, хотят очернить меня в глазах бедняков и заручиться поддержкой плебса в случае новой заварушки.

Рупилий терпеливо перенес поток брани и тихо добавил:
– На площадях также участились театральные представления. Бродячие мимы показывают сценки сомнительного содержания. На первый взгляд пустая комедия, а копнешь глубже... Сатира и фарс, направленная против... против...

Доносчик съежился, словно бабочка, пригвожденная к столу острым взглядом Фурия.

– Продолжай!

– Некий Фарбий сочинил пьесу о трех днях их жизни обжоры.

– И что с того? – грозно спросил император, протягивая

руку к столу за вяленым инжиром.

– Э-э... ходят разные слухи... – боязливо заюлил Рупилий. – Сюжет толкуют превратно, хотя на мой взгляд он слишком прост. Случайно разбогатевший обжора-лавочник сорит деньгами и поливает себя нардовым маслом с утра до вечера. Якобы от скуки... А домочадцы его едят бобы и мечтают у кусочке свинины. Он вроде как домашний тиран и ворюга. Рассуждает о пользе голодания, а сам... сам он жрет за троих пока прочие перебиваются черствыми лепешками и тухлой рыбой.

– Ах, ты вонючий козел! На кого ты сейчас намекаешь?!

Разгневанный Фурий вскочил на ноги с явным намерением опустить хрустальную чашу на лысину своего доносчика. Рупилий со стоном обхватил царственные колени, умоляя не лишать жизни преданного слугу и соглядатая.

На его счастье в императорскую спальню степенно вошел Лепид. Изменчива была судьба этого грека. Уже в зрелом возрасте, завершив обучение у прославленного в Афинах лекаря, Лепид решил начать собственную карьеру в столице империи.

Но вместо желанного уважения и почета был вынужден несколько лет скитаться по улицам Рима, предлагая простолюдинам целебные мази и порошки. Однажды Лепида даже побили завистливые конкуренты, но Фортуна порой дарит ласковый взор страдальцам.

Средство от кожной сыпи на основе календулы и петруш-

ки помогло излечить гнойники на спине одного видного сенатора при дворе еще прежнего императора. С тех пор дела грека пошли в гору, а точнее, сам он поднялся на Палатинский холм и со временем стал вхож к молодому, но уже страдающему от разных хворей Фурию Германику Августу.

Сейчас же при виде перекошенного от ярости лица своего главного пациента, Лепид не на шутку струхнул. Как бы владыку не хватил удар, ишь как глаза налились кровью, а на губах чуть ли не пена выступила. Необходимо проявить чудеса дипломатии и самому не пострадать.

– Умерь свой гнев, господин! Я изготовил квасцы с луковым соком, они просветлят твою голову, как и средство на основе вареного чеснока...

Фурий тут же выпустил из скрюченных пальцев складки одежды перепуганного Рупилия и уставился на лекаря, открыв рот.

– Ты хочешь надо мной посмеяться, Лепид? Хочешь, чтобы от меня воняло луком и чесноком, как от простого солдата? Предлагаешь своему императору лекарство последнего легионера?

Врачеватель с достоинством поклонился, сохраняя невозмутимый вид, однако внимательный взгляд на его подрагивающие колени выдал бы большое волнение грека.

– Я лишь ищу быстрое и эффективное средство для твоего благополучия, Цезарь. Но порой самое сладкое вино наливают в замшелые меха, а в нефритовых вазах прокисает

уксус. Рад сообщить, что на сей раз мне удалось найти гармонию между эффектом и формой. Внимательно изучив папирусы египтян и свитки шумеров, я нашел достойный рецепт, немного дополнил его и готов предложить...

– Давай быстрее, не видишь, я изнемогаю от боли!

Лепид торжественно вынул из складок одежды стеклянный флакон с бесцветной жидкостью внутри. Только под пыткой лекарь мог бы сознаться, что истинные ингредиенты и пропорции снадобья он позаимствовал у мелкого торговца-шарлатана с улицы Сыроделов. Но результат нескольких проверок на рабах вполне доказывал, что чудодейственное средство и в самом деле приглушает зубную боль. А зубы, как известно, находятся внутри головы.

– Что за отраву ты опять приготовил? – заинтересованно спросил Фурий, шумно потянув носом воздух.

– Цикорий с розовым маслом и уксусом, мой господин – смиренно пробормотал грек, благоразумно умолчав о ряде других, менее благородных компонентах настоя.

Возможно, тощему Рупилию так и удалось бы улизнуть из резиденции Цезаря без единого синяка, но будто сам Гермес дернул за язык пожилого сплетника.

– А еще я слышал, что при расстройстве желудка хорошо помогает желчь рыжей собаки, растертая с печенью осла...

Рупилий даже не успел договорить, потому что осмелился поднять взор на высокий лоб и приглаженную миндальным маслом шевелюру благодетеля. Фурий мрачно усмехнулся

и резко выпрямил ногу, награждая осведомителя крепким пинком.

– Убирайся! Пусть Афес выдаст денарий за труды. Через пару дней жду тебя снова.

Прогнав доносчика, император быстро откупорил флакон с лекарством и осторожно вдохнул острый будоражащий запах уксусной эссенции с отдаленными цветочными нотками. Настроение улучшалось, прояснившаяся голова требовала новых впечатлений, а тело возжелало прогулки.

– Вели приготовить повозку! Я приму ванну и отправлюсь на главную рыночную площадь, хочу сам посмотреть, чем живет мой город в это не слишком доброе утро.

Глава 6

Представление на площади

Валия

По склонам холмов сбегали вниз узкие улочки с высокими многоэтажными домами – инсулами. Помню из истории, что в них проживает большая часть населения города, как бедняги, так и средний слой горожан.

Причем, многие комнаты и даже целые этажи сдаются внаем приезжим, а таких людей немало. Ведь купить себе дом или построить жилище в Риме могут только люди состоятельные – цена на землю невероятно высока.

На первых этажах инсул располагаются всевозможные торговые лавки и мастерские, а сами улицы часто названы в честь процветающих в округе ремесел и предлагаемых товаров: улицы Мясников, Кожевников, Виночерпиев, Менял, Сыроделов. Есть также улица Отбросов. Хорошо, что наш путь лежит мимо...

Древний Рим – город контрастов. Есть очень сырые и грязные переулки с пыльной немощеной дорогой, высокие дома там стоят тесно, заслоняют солнечный свет, давая обильную почву для таких болезней, как лихорадка, тем более, что многочисленное население таких «муравейников»

испытывает крайнюю нужду.

Зато по соседству процветают публичные дома и питейно-игорные заведения. На пороках и голоде кто-то делает немалые деньги. Официантки местных таверн могут всего за семь ассов быстренько удовлетворить внезапную похоть клиента.

К примеру, кусок хлеба и кружка вина стоит всего три асса. А шестнадцать ассов составляют серебряный денарий. К слову, годовое жалование римского легионера примерно тысяча денариев. Ну, легионеры вообще-то почти на всем готовом живут. Правда, некоторые не очень долго, но такова их работа, что поделаться, если Рим часто воевал в ту пору.

О, наконец-то пошли кварталы почище!

Шестиэтажные кирпичные инсулы словно коврами оплетены выющимися растениями, на длинных балконах, объединяющих квартиры, также разбиты клумбы и на окнах стоят горшочки с цветущими фиалками. Вот это зрелище мне больше по душе. И даже развешенное между домами разноцветное белье напоминает пестрые флаги неведомых государств.

Также вплотную с домами растут деревья – лавры, акации, платаны и оливы. Часто встречаются апельсиновые деревья. Жаль, на домах нет ни табличек с указанием улицы, ни даже номеров. Видимо, люди ориентируются по памяти, ведь каждый округ города от Субуры до Этрусского квартала имеет свое неповторимое лицо.

Также Фарбий рассказывает, что неподалеку расположено Марсово поле – район богачей. Вот там имеется множество зеленых насаждений и мраморных построек, как частных жилищ, так и общественных мест, например площади с фонтанами и статуями, базилики правосудия и храмы различным божествам.

Кажется, приближаемся к Бычьему рынку. Место нашего выступления я безошибочно определяю по резкому запаху скота. Также слышен гул возбужденных голосов, толпа увеличивается, и Фарбий радостно потирает руки.

– Весь город для меня – одна большая сцена, но как же здешние подмостки я люблю!

Я только прикрыла ладонью нос, стараясь внимательно обходить остатки жизнедеятельности животных, привезенных сюда на продажу и непосредственный убой. Кстати, коровы и лошади у них удивительно низенькие, а куры тощие. Свиньи почему-то напоминают кабанов – клыкасты и покрыты черной щетиной, впрочем, я не зоотехник, могу не разбираться в местных породах.

Пока мы добирались до небольшого возвышения в центре площади, я едва не потерялась, заглядевшись на экзотических птиц. Ни разу не доводилось видеть вблизи живых павлинов и фламинго.

Они тоже будут проданы, как и попугаи в клетках и множество других певчих птах: щеглы, соловьи, зяблики. Надо же, аист... Почему-то его стало особенно жалко. Гамид ска-

зал, что аистов покупают египетские жрецы для своих религиозных мистерий, но я перебила фокусника:

– Ах, Фарбий, смотри – там же настоящие черепахи!

– Лучше вспоминай достойные стихи для пресыщенной публики! – проворчал мой новоиспеченный «директор». – Я заметил тут преторианцев, а у парней водятся деньжата. Это же личная гвардия императора. После странной кончины Тиберия его царственный родственник трясется за свою безопасность. Я слышал, Фурий даже в нужник не ходит без охраны.

Рослый мужчина в желтой тунике грубо тряхнул гистриона за плечо.

– Попридержи язык, актеришка! За гнусные речи в адрес Цезаря недолго лишиться головы, хотя начать могут и с других частей тела.

Фарбий поклонился, пряча злую усмешку.

– Мы всего лишь репетировали свою пьесу, почтеннейший. Скоро начнется представление, известно тебе? Северная звезда немного волнуется. Она недавно прибыла из Сицилии и теперь желает покорить публику Рима.

«Северная звезда?! Это он обо мне?!» Я нервно сглотнула, в горле предательски пересохло. Читать стихи у всех на виду совершенно расхотелось.

Но Гамид уже запрыгнул на дощатый помост и прошелся по нему на руках. Физа достала из складок одежды маленькую лютню и заиграла, пока толстуха Кармила почти граци-

озно поднималась на сцену, поддерживаемая Фарбием. Обо мне как будто на время забыли, и я запросто могла бы улизнуть, но куда...

Кругом снуют люди в длинных балахонах, плащах и накидках, все толкаются, порой наступают на ноги друг другу, зазывалы нахваливают свежее мясо и потроха, вдали верещат птицы и орет встревоженный скот, на кучках уличного мусора грызутся бродячие псы. Голова идет кругом...

Я устало сажусь на брошенный у помоста тюк с реквизитом и пытаюсь сосредоточиться на постановке. Скоро у четверки гистрионов появляются зрители, раздаются хлопки и смех, возгласы удивления ловкости Гамида и проделкам Кармиллы.

Фарбий играет отрицательную и притом смешную роль обжоры-богача, от которого жена убежала к тощему, но ловкому слуге. Через десять минут я уже хохочу во весь голос и пританцовываю следом за окружившей помост толпой.

Наша Физа двигается хорошо. Она сделала вид, что в ее тунику залетела пчела и теперь старается выгнать ее, потряхивая одеждой, бесстыже задирая подол и на время оголяя грудь.

Вскоре народ расступается перед плечистыми вооруженными людьми. Наверно, важный и солидный чиновник тоже хочет посмотреть на прыжки озорной девицы, а впереди идет охрана.

Я оглядываюсь через плечо и сейчас же встречаюсь взгля-

дом с сероглазым дяденькой в шлеме с красной щеткой поверху. Преторианец – высокий, мощного телосложения солдат элитных войск. Типично римские черты грубоватого лица – орлиный нос, выдающийся вперед, резко очерченный подбородок.

Мужчина очень уж грозен на вид, даже в выходной день не может расслабиться и посмеяться. Ну, так кому выходной, а тут человек на военной службе.

Улыбаюсь и снова поворачиваюсь к сцене – Фриза закончила танец и стыдливо прикрывается плащом Фарбия. Толпа восторженно ревет и хлопает в ладоши, но позади меня раздается манерный голос с капризными интонациями.

– Они умеют только задницей трясти и полагают, что это и есть искусство. Грязное отребье! Правильно дядя изгнал гистрионов за пределы города. А теперь они снова вернулись, надеясь на поблажки с моей стороны. Да еще осмеливаются тревожить городские власти своим непотребным фарсом.

Я несколько оскорбилась за своих друзей. Чем бы они на жизнь не зарабатывали, но Фарбий меня не обидел, помог с ночлегом и поделился едой. Раздумывать некогда, актер уже махал мне рукой, приглашая на импровизированную сцену. Вот так, прямо сейчас? Почему-то толпа поредела, смолкли громкие голоса, и слышен только шелестящий тревожный шепот.

Перед подмостками откуда-то возникло резное деревянное кресло, покрытое пурпурной тканью, а на нем вальяжно

развалился мужчина примерно моих лет с тонкими, почти женственными чертами бледного лица.

Рядом стояла стража. Коренастый преторианец не сводил с меня желтовато-серых глаз, держа руку на рукояти короткого кинжала у пояса. Как будто я могла в любой кинуться на вверенного ему под охрану патриция. А вельможа презрительно усмехнулся и крикнул, обращаясь ко мне:

– Считаешь, что тебе будут платить за один милый вид? Не пора ли начать скакать по сцене, как горная коза, ужаленная осой? Или споешь о любовнике, невзначай сорвавшем цветок твоей невинности? Как старо и избито! Удиви меня, девушка, и получишь золотой ауреус.

Я глубоко вздохнула. Наверно, этот жеманный тип приходится родственником самого императора, раз его охраняют преторианцы. В любом случае, есть шанс заработать на приличный ужин всему актерскому коллективу. Где наша не пропадала... А, собственно, пока нигде не пропадала, так что – рискнем!

Ободренная жалкой улыбкой Фарбия, я взобралась на деревянную сцену, подошла чуть ближе к сановному зрителю и сделала краткое вступление, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно тверже и спокойнее.

– Благородный господин! Я в Риме всего второй день, но уже немало увидела. Впрочем, людские нравы, пороки и добродетели одинаковы в любой стране и во все времена. Хотя в некоторых государствах актеров куда больше уважают,

строят для их выступлений роскошные театры и сцены, рукоплещут талантам и осыпают цветами и почестями. Но ведь и бедные и богатые люди часто играют роли даже в обыденной жизни. О том я и прочту свой стих.

*– Все мы святые и воры
Из алтаря и острога,
Все мы – смешные актеры,
В театре Господа Бога.
Он восседает на троне,
Смотрит, смеясь на подмостки,
Звезды на пышном хитоне —
Позолоченные блески.
Множатся пытки и казни...
И возрастает тревога:
Что, коль не кончится праздник
В театре Господа Бога?!*

В установившемся молчании, стараясь смотреть куда-то выше высокого лба Жеманного, после стихов Гумилева я тотчас перешла к Пастернаку, всем видом изображая умудренного жизнью актера:

– О, если б знал, что так бывает,

*Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!..
Но старость – это Рим, который*

*Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.*

Я начала задыхаться, руки ослабели и безвольно повисли вдоль тела, голос мой дрогнул, начав изменять. Это все жара и обезвоживание, во фляжке Кармиллы оказалось только кислое разбавленное вино – я не смогла его пить. И даже одобрителный возглас важной персоны в кресле не доставил радости.

– Belle! Прекрасно!

Неужели римскому эстету понравилось мое чтение? Тогда пусть дает обещанную награду, и я с удовольствием выпью за его здоровье чистой прохладной воды. А еще я очень голодна.

Рыба на завтрак была слишком соленой, а в лепешке мне попадались колючие ости пшеницы и угольки, я почти ничего не ела. Пустой желудок сводит судорогой, не поэтому ли на просьбу жеманного богача что-либо спеть, я затянула именно эту незатейливо-красноречивую песню:

*– Я начал жизнь в трущобах городских
И добрых слов я не слышал.
Когда ласкали вы детей своих,
Я есть просил, я замерзал.
Вы, увидав меня, не прячьте взгляд
Ведь я ни в чем, ни в чем не виноват.*

*За что вы бросили меня? За что!
Где мой очаг, где мой ночлег?
Не признаете вы мое родство,
А я ваш брат, я человек.
Вы вечно молитесь своим богам,
И ваши боги все прощают вам.*

Наверно, я слишком чувствительная. А еще плохо переношу вонь, духоту и провалы во времени. Не знаю, как меня угораздило шагнуть вперед на самый край сцены, помню только, как полетела вниз, и меня подхватил на руки мрачный солдат, стоящий у кресла с красной накидкой.

Еще позади раздался надтреснутый голос Фарбия:

– Умоляю ее простить! Валяя просто разволновалась, не каждый день она выступает перед самим Цезарем.

«О чем он говорит? Какой еще Цезарь... Вот этот надменный кривляка?» Перед глазами мелькали черные кружки, я вроде бы все слышала, и не могла ни слова сказать от слабости. Меня куда-то понесли, а потом в ноздри ударил резкий запах уксуса, тут волей – неволей встрепенешься.

Когда я немного пришла в себя, то увидела, что лежу на алом плаще в повозке, а этот... который вроде бы римский Цезарь, сидит рядом и держит у моего лица открытый флакон с пахучей жидкостью.

– Куда меня везут?

– Во дворец, конечно! Хочу послушать твое выступление в более спокойной обстановке.

Я растерянно посмотрела в бледно-голубые глаза мужчины, и мне стало жутко. Потому что в них царил холод и любопытство вивисектора. Но, может, я ошибаюсь, и у всех императоров такой жесткий пронизывающий взгляд. Им по статусу положено иметь строгий вид.

– Мое имя Валя. А вас как можно называть или мне вообще не выпадет этой чести?

Я пыталась улыбаться, а сердце трепетало подобно пойманной в сачок бабочке. Совершенно не представляла, как мне себя вести и что делать дальше.

– Зови меня Фурий, – он благосклонно кивнул, аккуратно закупоривая свою вонючую склянку.

Глава 7

Во дворце Фурия

Наше путешествие на Палатинский холм, где раскинулся мраморный дворцовый комплекс, проходило по узкой, кривой улочке, обе стороны которой занимали торговые лавки и трактиры. Пестрая толпа мгновенно расступалась перед могучими преторианцами, окружавшими повозку Цезаря.

Кроме солдат впереди шли слуги, расчищавшие дорогу ударами длинных хлыстов. То и дело бич со свистом опускался на спины и плечи нерасторопных горожан, но никто не осмеливался жаловаться, напротив, вокруг были слышны лишь крики приветствия: "Славься, Божественный!"

И все же мне показалось, что численность охраны слишком мала для такой важной персоны. Возможно, в тот день Фурий не желал привлекать к себе внимание, создавая пышный выезд.

А, может, каждый из его солдат стоил целую дюжину, взять хотя бы того сероглазого великана. Он иногда строго посматривает в мою сторону, явно не вполне доверяет. Цезарь заметил мой интерес и лениво пояснил:

– Это – Борат. Будучи легионером на Дунае, он спас мне жизнь.

Я резко повернулась к императору, удивленная тем, как

легко он угадал ход моих мыслей. Но следовало что-то вежливо ответить, а не хлопать ресничками, как глупая кукла.

– Понимаю, почему вы решили приблизить этого солдата.

Фурий усмехнулся, откинувшись на пуховую пурпурную подушку, окантованную толстым золотым шнуром.

– Конечно! С тех пор я доверяю Борату самое дорогое, что у меня есть – мою жизнь. Вокруг заговорщики и убийцы, многие сановники хотят вернуть Риму республиканские права, но я стою за незыблемые основы имперского величия. Ну, скажи, ты действительно веришь, что кучка корыстолюбивых стариков способна сохранить и упрочить римскую славу?

– Я девушка из... гм... простого народа и ратую за ту форму правления, при которой будет хорошо всем слоям населения страны.

– А такое возможно? – насмешливо удивился Фурий, рассматривая свои розовые ногти.

Пришлось расширить социальную тему.

– Я за мир, порядок и процветание. Если крестьяне будут здоровы и сыты, то и правящим кругам не придется голодать. Примерно так...

Фурий наклонился ко мне, хищно ослабившись.

– Какой осторожный ответ. Из тебя бы вышел забавный оракул. А скажи-ка, девушка из народа, стоит ли мне начинать войну с Северной Галлией или достаточно того, что

седьмому легиону удалось усмирить мятеж?

«Да что он пристал со своими хитроумными расспросами, еще бы угадать, что именно Фурий желает услышать от птички в своих когтях... кстати, руки-то у него белые, ухоженные, наверно, целый штат рабов следит за состоянием царственных телес».

Собравшись с духом, я отчеканила, что войны – это определенно большие траты и жертвы, и если есть возможность договориться полюбовно, лучше решить вопрос без кровопролития.

Фурий, кажется, остался разочарован моим тонким дипломатическим подходом к проблеме.

– Ты рассуждаешь как Сенека, такая же пустая высокопарная болтовня о ценности отдельной человеческой жизни. Чушь! Погибнет один простолюдин, его место займет другой, хвала Юпитеру, плебс обильно поставляет новых солдат, впрочем, для этого плебс и нужен.

– А еще сеять и убирать хлеб, выращивать скот и строить императорские апартаменты... – выпалила я, задетая явным пренебрежением Цезаря к его же электорату.

– Для этого есть рабы! – процедил Фурий, глядя в сторону и лениво помахивая раскрытой ладонью толпе.

– Так разве они ценят землю, которую обрабатывают в цепях? – горячо возразила я. – Разве любят виноградники Таррацины так же преданно и беззаветно, как местные крестьяне? Не будет ли вино, приготовленное рабами, на половину

состоять из крови и слез?

– Молчи, глупая женщина! – прошипел Фурий. – Драма мне успела порядком надоесть. Тит Сергей и без тебя каждый день ноет о тяжелых податях и возможности бунта. А у меня в голове вертится сценарий новой навмахии в амфитеатре. Это будет грандиозное зрелище, даже сенаторы не видели подобного размаха, а чернь будет вопить от восторга и славить мое имя.

Я припомнила, что навмахией называли масштабные инсценировки морского сражения прямо на арене местного амфитеатра. Так вот о чем сейчас мечтает правитель Рима...

Фурий задумался, по его одутловатому лицу пробежала гримаса раздражения. А я замолчала, опустив голову, на чем свет стоит, ругая свое неуместное красноречие. Разве можно перечить диктатору? Уж лучше бы мне снова прочесть стихи. Ведь ради этого меня везут на Палатин. Говорят, у подножия холма находилась пещера, где волчица вскормила Ромула и Рема, будущих основателей великого города.

После полудня мы оказались во внутреннем дворе императорских покоев. Моим глазам открылся прекрасный сад – по дорожкам, щедро присыпанным белым морским песком, вальяжно прохаживались павлины. В густых зарослях высокого кустарника на разные голоса щебетали птицы, раскидистые пальмы и кипарисы стояли ровными рядами перед парадным входом.

Немного съезжившись от волнения, я старалась не отста-

вать от Фурия, но он вскоре забыл о моем присутствии, занявшись разговором с седым представительным мужчиной в белой тоге. Зато миновав гулкие пустые коридоры, я успела внимательно оглядеть большую светлую залу, пол которой, застилала пестрые ковры.

В стенах были пробиты ниши, где стояли позолоченные статуи олимпийских богов и богинь, выполненных в рост человека. Потолок украшала яркая роспись. Мозаика на полу изображала геометрические узоры и символические фигуры животных. В огромных терракотовых вазонах росли миртовые деревья и цветы.

В центре комнаты находилось ложе с изогнутыми ножками в виде когтистых звериных лап, на него-то и уселся Фурий, пока пожилой собеседник в тоге продолжал свой доклад, почтительно склонившись к императору.

Рядом с ложем располагались несколько величественных мраморных кресел с желтыми подушками, но никто не решился сесть без особого разрешения Цезаря. В зале остались только докладчик, которого звали Тит Сергей Катон, охранник Борат и я, не знающая, в какую щель забиться от нарастающего беспокойства.

А что, если Фурию будет недостаточно моих песенок и он начнет приставать? У владык его ранга неутолимый аппетит на всякого рода удовольствия и излишества. Не припомню в истории ни одного императора – аскета. Роль наложницы меня точно не устроит, а вот как этого избежать...

Когда Фурий наконец соизволил бросить на меня пренебрежительный взгляд, я едва стояла на ногах от слабости и была вынуждена опереться на широкую спинку кресла.

– Эй, как там тебя... не помню имени... чего ты трясешься? Может, ты больна лихорадкой и тебя надо как можно быстрее засунуть в мешок, а после вывезти за пределы дворца?

После такого откровенного заявления мне осталось только сказать правду.

– Простите, господин, кажется, меня шатает от голода.

Не знаю, что за блажь нашла на Фурия в тот вечер, видимо, он решил развлечься, пригласив к собственному столу уличную актрису. Или же владыка Рима имел мистический дар с первого слова или взгляда определять путешественниц во времени.

Поджав под себя ноги, я сидела прямо на ковре и с блюд, расставленных на низком прямоугольном столике, прямо руками брала крупные влажные сливы, гранатовые зерна и вяленые фиги, а чуть позже даже попробовала жареного лангуста. Фурий сам бросил мне розоватый мясистый кусочек со своей серебряной чаши – как тут откажешься.

Борат стоял за правым плечом Цезаря и всем своим обликом выражал спокойную сосредоточенность. Был чрезвычайно похож на верного пса, готового в любой момент перегрызть горло любому, кто посягнет на жизнь хозяина.

Конечно, у «пса» где-то во дворце есть своя конура и с им-

ператорской кухни перепадают косточки с остатками мяса, а то и кусочки пожирнее. Почему-то у меня мгновенно возникла резкая неприязнь к угрюмому телохранителю, а ведь именно он подхватил меня на руки, когда я падала со сцены.

Наши взгляды встретились, и в глазах Бората я прочла снисходительную усмешку. Ну, еще бы! Сейчас я выгляжу комнатной собачкой, ожидающей угощения.

Воистину жалкое зрелище – растрепанная девица пальцами запихивает в рот ломтики душистого хлебца с гусиным паштетом. Но как это вкусно... Царское лакомство! А что вилок и ложек мне вручить никто не догадался, так это сущие пустяки для голодного человека.

И плевать, что губы мои перемазаны маслом, а по локтю течет терпкий гранатовый сок. Может, я обедаю с владыкой Рима в первый и последний раз, а к вечеру меня за малейшую провинность казнят или отправят, куда Ганнибал слонов не гонял. Ой, даже страшно представить, что Фурий может со мной сделать, если не сумею его развлечь.

К счастью, самым мрачным прогнозам не пришлось сбыться, потому что после обильной трапезы, поглаживая надувшийся живот, Цезарь велел грузному бородатому слуге в длинной цветастой хламиде устроить меня в отдельных покоях «подальше от девок, но под присмотром». Хм, что бы это означало...

Перед тем, как покинуть зал, я поклонилась Фурию и поблагодарила за угощение, услышав ленивый ответ, переме-

жающийся зевотой:

– Позову тебя позже, еще раз прочтешь мне про то, как стихи убивают их создателя. Мне понравился смысл сказанного. Только в муках должно рождаться на свет истинное искусство, а порой за шедевр нужно платить жизнью.

«На сей раз спорить не буду, ваше величество, мне самой бы остаться целой».

Дворцовый раб-распорядитель привел меня в маленькое, но чистое помещение, недалеко от обеденной залы. Комната, где, по всей видимости, я буду гостить, изнутри была соединена с другой каморкой, но пока не решилась отворить деревянную дверь. Слишком много впечатлений для первого дня вблизи Цезаря.

Нужно скорее прилечь на жесткое ложе, застеленное толстым полосатым покрывалом и немного передохнуть. Я даже задремала, и позже меня разбудило легкое похлопывание по спине – пришла рабыня, чтобы проводить в термы.

Ну, конечно, перед тем, как размещать новую игрушку в императорском дворце, ее следует хорошенько вымыть, причесать и приодеть.

Молоденькая рабыня привела меня к небольшому бассейну, в котором уже весело плескались две пышнотелые девицы. Не очень-то хотелось лезть в общую ванну, но я безропотно сняла платье и шагнула на первую мраморную ступеньку, ведущую к воде. Брр... прохладно... Сейчас быстренько окунуть и назад. Надеюсь, мне уже приготовили по-

лотенце или просто кусок ткани, в который смогу закутаться и согреться.

Соседки – купальщицы были весьма хороши, плотные тела точно выточены из розоватого мрамора, волосы у каждой забраны наверх и перевязаны алой лентой. Я коротко кивнула девушкам и уже собиралась подниматься наверх, как вдруг одна из них рассмеялась:

– Смотри-ка, новенькая потаскушка нас испугалась!

Я на мгновение замерла, а потом рывком выхватила из рук рабыни серую простыню и обмоталась ею на манер римской тоги, казалось, так я выгляжу более значительно.

– Мое имя – Валентина, я знаменитая актриса из далекой страны. Императору понравилось мое выступление на сцене, и он пригласил меня во дворец. А кто вы, позвольте узнать?

Ответила мне та, что выглядела немного старше, привлекательней и наглее:

– Я – Мелина из Остии. Мои услуги так приглянулись Прокту Септорию, что он выкупил меня из лупанара за двадцать золотых монет. А это Тулия, – красавица кивнула на соседку, – она работала на мельнице, пока ее не приметил один сенатор, правда, его казнили полгода назад, зато Тулия попала во дворец, и ей не приходится услаждать дряблого старца.

– Ага! У меня теперь работа поприятнее, чем пыхтеть над немощным крючком Глабра, – хихикнула девица, откровенно ластясь к соседке, – разве я виновата, что он никак не хо-

тел твердеть, уж как я ни старалась.

Когда подружки начали целоваться, прижавшись друг к другу, как две влюбленные змеи, я в смятении отвернулась. Возможно, Фурий ничего не имеет против подобных забав своих наложниц. А кем еще могли быть эти дамы? Неужели и меня ждет участь бесправной игрушки для пресыщенного сластолюбца... Надо попытаться сбежать при первой же возможности.

Глава 8

Приходится привыкать

Миновала вторая неделя моего пребывания в Риме. Волнение по поводу императорских домогательств оказалось напрасным. Возможно, мой приятный голос и некоторый врожденный артистизм привлекал Фурия гораздо больше, чем заурядная внешность. Или же я попала на глаза императору в тот период, когда он больше тяготел к поэтическому искусству и учению стоиков, нежели к плотским утехам.

Но постепенно картина прояснилась, и тому очень способствовало мое сближение с Титом Сергием Катонем – ближайшим советником и казначеем императора. Столкнувшись однажды в коридоре дворца, мы вместе дошли до внутреннего сада и долго беседовали в тени раскидистых акаций.

Конечно, я держалась настороже, считала, Тит Сергий устраивает проверку, исподволь расспрашивая о моем прошлом. Он пытался понять, что за новая птица кормится с руки Фурия. Сердце мое похолодело, когда узнала, что подобных залетных птах дворец видел уже немало, и судьба большинства из них оказалась весьма печальной.

– Фурий недоверчив, – объяснял Тит Сергий, – но в силу своего живого характера и горячей крови не может жить замкнуто. У Цезаря противоречивый нрав, сегодня он осы-

падет ласками полюбившихся актеров, завтра велит плетью изгнать их из города за малейшую провинность. Ты правильно делаешь, что ведешь себя тихо и скромно, Валия, может, проживешь дольше.

Советник по возрасту годился мне в отцы, держался просто и доброжелательно, хотя мог бы даже не замечать – кто я для первого казначея Империи? Однако порой у меня возникало чувство, что он сам ищет разговора со мной.

Скорее всего, Тит Сергей пытался быть в курсе малейших фантазий императора, ведь они вели к грандиозным расходам, которые ложились тяжким грузом на плечи сенаторов и простого народа.

Цезаря нашего я могла лицезреть каждый день. Постепенно робость прошла, и я уже смело пересказывала Фурию пьесы Островского, рассказы Чехова, всемирно прославленные водевили и серьезные романы.

Я вспоминала драмы и комедии, исторические подвиги разных народов мира, смешные рассказы и басни, мистику и сказки, правда, всегда переделывала сюжет так, чтобы суть его была понятна гражданину Рима того времени.

Меня выручала хорошая память и прирожденная любознательность. И если первое время я чувствовала себя Шахерезадой, балансирующей на кончике отточенного клинка, то уже к середине первого месяца во дворце возникло чувство, что Фурий искренне мне благоволит.

А чем еще объяснить то уважительное внимание, которое

теперь читалось на лицах окружающих меня слуг и рабов? В покоех было множество людей. Мне даже казалось, исчезла половина молчаливых безропотных служителей – никто бы не заметил пропажи. Мы и этот вопрос обсуждали с Фурием. Вот только он не любил, когда беседа касалась политики или социальной сферы.

Скоро я поняла – он держит меня при себе как живую шарманку или "говорящую" книгу. Также я смирилась с тем, что вынуждена делить жилье с личным охранником Цезаря.

Ведь именно в комнатку Бората вела запертая дверь, которую я не решилась открыть в первый день, исследуя предоставленные мне скромные покои. Зато уже на следующее утро я умудрилась поцапаться с преторианцем. Ничего особенного, просто меня возмутило, когда он ворвался без стука и заявил, что живет здесь один и ему не нужна соседка.

Так я же не виновата, что меня к нему подселили, я просила распорядителя найти другую нору, лишь бы не рядом с грубым великаном. Но мне отказали. Ах, на то есть личный есть приказ Фурия... Значит, придется привыкать. Нам обоим.

Борат порой откровенно пугал меня хмурым выражением лица и пронизывающим взглядом из-под густых темных бровей. И в то же время я с любопытством разглядывала доспехи преторианца – металлический панцирь, повторяющий контуры атлетического мужского тела, кожаные фестоны с бахромой на плечах и бедрах. Так же Борат не расставался с

коротким мечом – гладиусом и кинжалом.

Весь облик римлянина свидетельствовал о недюжинной силе и умении пускать ее в дело по первому приказу начальства. Мелина рассказывала, что Борат правой рукой задушил взбесившегося волка, который однажды сорвался с цепи и напал на Фурия. Герой!

Да-да, с бывшей блудницей Мелиной мы тоже иногда болтали, правда, она держалась высокомерно, потому что император пару раз в неделю оставлял ее на ночь в своих покоях – одну или с подругой Тулией. Но положение этих женщин оставалось для меня непонятным, пока Тит Сергей не ответил на мой витиеватый вопрос прямо:

– У Императора есть особые привычки. Он вдохновляется созерцанием разных красивых или отвратительных вещей. Например, глядя на то, как бичуют раба, Фурий сочиняет драматические строки, а вид женской любви порождает в нем желание создать пьесу о мистериях Лесбоса. Берегись, Валия, однажды он и тебя может задействовать в живой картине.

Мне оставалось только вздыхать и надеяться на то, что Фурию будет довольно моих сказок. Он привык засыпать под мой напевный голос, недавно даже положил голову мне на колени, назвав другом своей души.

– Ты так же тонко чувствуешь гармонию стиха, как моя усопшая сестра Марцилла. Говори еще, Валия! О богах и героях чужих земель, о чудовищах и доблестных воинах. Твоя

речь завораживает и насыщает мой ум. Говори еще, женщина, и я щедро тебя одарю.

Насколько я понимаю – Фурий очень одинок и опасается заговора. Не вижу в нем тирана и деспота, просто нервный молодой человек, на которого возложена большая ответственность за великую Империю.

Фурию кругом мерещатся враги, будто бы сенаторы только и ждут удобного момента, чтобы отравить его или задушить, как покойного деда Тиберия. Сенаторы хотят возродить республику, им не нравится единовластие юнца.

– Но я не стану перед ними заискивать! – потрясая худым жилистым кулаком, восклицал он. – Я покажу этим зажавшимся свиньям, кто такой Фурий Германик Август! Я встрясу их кошельки, переверну сундуки и заставлю платить за самую возможность дышать со мной одним воздухом. Верно я говорю, Валия?

Конечно, я соглашалась и поддакивала. Влезать в споры о власти не хотелось, не мое дело, кто кем правит в Риме, может, я уже завтра проснусь в своем времени, и все случившееся покажется странным сном.

Уж лучше сыграть с Фурием в кости. Иногда к нам присоединялся Тит Сергий – он всегда проигрывал Цезарю, до чего же ловкий и угодливый старикан.

А вот Борату обычно везло – простофиля не умел поддаваться и хитрить с фигурками, впрочем, Фурий редко садил охранника за игровой стол из редчайшего мрамора.

Охотнее всего правитель играл с сенаторами и прочей богатой публикой, ведь эти люди оставляли на резной поверхности стола горки золотых ауреусов и свои перстни, но подобострастно улыбались Фурию, пятясь задом к дверям. Если проигрывала я, то забавляла императора анекдотами или смешными историями, что с меня еще взять.

Но порой я с трепетом ловила на себе пристальный, оценивающий взгляд Фурия и невольно опускала глаза. Сколько я еще смогу рассчитывать на расположение владыки и что со мной будет, когда ему наскучат мои рассказы?

Глава 9

Хотела только подружиться

За две недели я попыталась продумать все варианты достойного отступления или бегства из дворца на случай охлаждения ко мне Фурия. Изо всех сил старалась быть вежливой с Титом Сергием, даже хотела отдать ему перстень с агатом – милостивый подарок императора после эффектного исполнения пары стихов Маяковского. Мне-то перстень оказался великоват, а Фурий вряд ли вспомнил бы о нем, настолько был пьян в тот вечер.

Тит Сергей с самым серьезным видом отказался от моего наивного подношения, объяснив это тем, что является состоятельным человеком, но намек мой понял и в свою очередь попросил о небольшой услуге. Всего лишь уговорить Фурия закупать цветы и благовония у досточтимого Авла, а не благородного Кокция.

Я, конечно, не знала обоих торговцев, но после моей вдохновенной речи Фурий равнодушно подписал нужный указ. Нужный именно Титу Сергию, я сразу смекнула, что казначей держит в своих руках все дворцовые поставки и старается распределять имперские средства выгодно и экономно.

А средств не хватает... Все потому, что Фурий желает иметь лучшие одежды, лучшие драгоценности, лучших му-

зыкантив и танцовщиц, самую изысканную пищу, вроде паштета из соловьиных язычков и фуа-гра.

К тому же скоро состоятся грандиозные игрища на арене Колизея. Недаром по распоряжению Тита Сергия закупили множество хищных зверей: бенгальских тигров, африканских львов, питонов, пантер и быков. Ланисты Рима не спят ночами, обдумывая каких именно гладиаторов отправить на бойню пред грозными очами молодого императора, столь щедрого на развлечения для своего народа.

Немного поразмыслив, на всякий случай я решила подружиться и с Боратом. Первую неделю мы даже не разговаривали. Преторианец молча проходил в свою комнату на ночлег, а днем почти всегда был рядом с Цезарем.

Сначала охранник недобро косился в мою сторону, но увидев, что Фурий позволяет мне сидеть рядом с ним, есть с одного стола и запросто беседовать о том о сем, и Борат немного оттаял. Казалось, даже прислушивается к моим басенкам, особенно если речь шла о сражениях, полководцах и военных трофеях.

Кое-кто из новых знакомых объяснил, что меня не случайно подселили в проходную комнату к гвардейцу – он должен был присматривать за мной, я же во дворце человек новый, мало ли что могу замышлять, а Борат имеет неограниченное доверие.

Но службе явно не хотелось меня допрашивать и выслеживать, напротив, мое присутствие по соседству с его лежан-

кой через тонкую стену, Бората заметно раздражало. Немного осмелев, я потихоньку начала налаживать контакты, вдруг пригодится. Так, сегодня сама принесла с кухни блюдо с ужином, поставила на стол в его закутке. Только Борат заботу не оценил, грубо заметив, что не стоило стараться.

– Нечего сюда таскать еду, я привык есть вместе с солдатами.

«Какой же ты груби-я-ан...»

– Подумала, что вернешься поздно и захочешь перекусить, хотела порадовать соседа. Тут кусок баранины и чечевица. А что ты вообще любишь, Борат?

Он задумчиво почесал затылок и шмыгнул носом, прежде чем отвечать.

– Ем, что дают. Не мое дело перебирать еду. Я привык к самому простому.

Ну, надо же! В этот раз он не закрыл двери к себе, и я прекрасно слышу, как солдат ходит по своей камере, скрипит ремнями нагрудника, снимая броню. Тихонько смеюсь про себя, получается, опять буду ночевать под охраной лучшего гвардейца Рима. Вот умора!

Мне не спится, я хорошо успела отдохнуть, Фурий куда-то выезжал с пышной свитой, и мой день на Палатине выдался спокойным.

– Бо-о-рат... – зову, тайно надеясь, что не услышит.

– Чего тебе? – из открытой двери слышен ворчливый густой бас.

– А правду говорят, что ты трижды спасал императору жизнь?

– Может, и больше.

Приподнимаюсь на локте и раздумываю, стоит ли продолжать разговор. Борат, наверно, сегодня устал, – когда цезарь на выезде, охране надо смотреть в оба, вдруг из нарядно разодетой или нищей толпы вылетит отравленный дротик.

Плотнее закутываюсь в одеяло и подтягиваю колени к груди, в комнате холодно, а бронзовая жаровня с углями почти остыла. Также скоро догорит толстая оплавленная свеча, и виссоновый фитилек упадет в керамическое блюдо. Приятно пахнет лавандой, местный лекарь Лепид сказал, что ее аромат улучшает сон так же, как эфирные масла валерианы, розы, муската, ванили и мирра. А еще кедр хорошо успокаивает и восстанавливает силы после физической работы или умственного труда.

Все свечи в покоях императора ароматические, Фурий настоящий эстет и ближайшему окружению перепадает часть дворцовой роскоши. С ума сойти – Валентина Ларионова входит в ближний круг императора Древнего Рима!

Раздумья мои прерывает резкий возглас:

– Ты спишь?

Удивительно, но Борат, похоже, решил продолжить беседу, надо ответить.

– Нет, жду пока ты, наконец, захрапишь.

– Зачем это... ждешь?

Закрываю рот рукой, чтобы не расхохотаться. Сегодня хочется его немного подразнить.

– Тогда я прокрадусь к тебе и утащу баранину. Мясо еще теплое и обильно полито гарумом. Мне сказали, что пикантный соус готовят из рыбьих кишочек, правда, что он жутко пахнет во время приготовления? Я не заметила дурного запаха, пока несла сюда, а попробовать не догадалась.

Солдат пару минут соображал, что бы мне ответить и нет ли в моих словах скрытой лепзости, а я со смеху покатывалась. Вот тугодум, я всего лишь дурачусь, прекрасно знаю, как долго готовят гарум, который придает пикантный вкус многим блюдам.

Когда мощная фигура Бората показалась в дверном проеме, я немного струхнула. Ах, какая прелесть – преторианец принес мне поднос с нетронутым ужином.

– Можешь забрать себе, я же сказал, что ничего не хочу! – проворчал он.

– Понятно!

И что теперь делать... Я не собиралась наедаться на ночь, очень мне нужна пряная баранина с разваренной кашей, густо приправленная чесноком. А Борат как назло стоит рядом и чего-то ждет. Пришлось подняться и зажечь новую свечу, чтобы стало светлее.

– Ну... чего же не ешь? – с едва уловимой насмешкой спросил Борат, уперев кулаки в бока.

– А ты будешь стоять и смотреть, да?

Ой, кажется, я поняла! Наверно, этот громила решил, что я собираюсь его отравить. Теперь не уйдет, пока не проглотю хотя бы кусочек. Зачерпнув разваренную чечевицу оловянной ложкой, я медленно поднесла ее ко рту. Осторожно принялась – так и есть: чеснок, базилик, красный перец и еще какие-то специи, наверняка, жгучее объединение.

Но я-то планировала разыграть дурацкий спектакль, а потому засунула кашу в рот и сейчас же изобразила кашель и удушье. Брат так тряхнул меня за плечи, что я чуть не подавилась несчастной чечевицей.

– Со мной все в порядке. Лучше подай воды, очень уж острое блюдо!

Мне было стыдно. Вроде взрослая девушка из двадцать первого века, можно себя серьезней вести, а не издеваться над римским дядькой старше себя. Думаю, преторианцу уже за сорок. Попробую спросить прямо.

– Брат, а сколько тебе лет?

– Много!

Он сунул мне в руки бурдюк с вином – только что притащил из своей комнатухи, и даже не удостоил подробным ответом. Я раздосадовано отхлебнула крепкую настойку, и вскоре блаженное тепло волной разошлось по телу.

– Мужчина, вы меня спасли! Я думала, дышать не смогу от итальянских приправ.

Брат развернулся с явным намерением окинуть меня сердитым взглядом. Нет, нет, если он сейчас уйдет к себе, я

вовсе не засну от досады.

– Пожалуйста, не сердись! Я хотела немного пошутить, сама не знаю, что нашло на меня. Ты не сердишься, правда?

И зачем только я его позвала... Теперь мы стояли друг против друга, и крохотные язычки двух свечей отражались в темных блестящих глазах преторианца. Мне стало не по себе. А если он разозлится и еще разок меня тряхнет?

Я притворно виновато вздохнула, придавая лицу самое кроткое выражение.

– Прости, я ничего плохого не хотела.

– А почему шепотом говоришь? – нахмурился он.

– Опасаюсь твоего справедливого гнева.

Я даже голову опустила, чтобы солдат не заметил лукавой улыбки. Надо немедленно прекращать это представление, а то еще подумает, что я заигрываю. Борат мужчина видный и даже вполне интересный, но крупноват на мой вкус и мне здесь любовные приключения вовсе не нужны.

Тогда почему так ноги дрожат и сладко ноет в груди, наверно, все дело в красном вине и пряностях – такое сочетание здорово будоражит кровь. И я мгновенно вскинула голову, когда горячая тяжелая ладонь Бората оказалась на моем плече.

– Валяя... ложись спать... или... или... ты хочешь...

Я-тособиралась лишь отодвинуть от себя солдата, а для того легонько толкнула в голую грудь и зачем-то задержала руку на его теле, там был неровный шрам чуть ниже соска, я

растерялась и провела пальцами ниже. А вот и еще один... и тут... да Борат весь в полосах былых ран!

Тогда он сгреб меня в охапку и принялся жадно целовать в губы, в подбородок и шею. Я чувствовала у своего лица острый запах мужского пота и лука, но почему-то это совершенно не мешало, а будто бы даже наоборот лишало сил сопротивляться.

Потом его руки сильно сжали мою грудь, прикрытую тонкой льняной туникой, и я вскрикнула, приходя в себя.

– Пусти, я кричать буду. Не трогай!

Борат толкнул меня на кровать, я зажмурилась от ужаса, но он только прохрипел в самое ухо.

– Сколько тебе надо? У меня есть денарий, я сразу отдам.

– Нет... нет...

Я мотала головой и упиралась руками в его железные плечи.

– Тогда что тебе нужно, женщина? – хрипел он.

– Я... я не хотела так... ничего не хотела... я не знала...

Слова вязли на языке, сердце отчаянно бухало о ребра, во рту стоял соленый привкус крови, в порыве страсти Борат прикусил мне губу. Но, ощутив его грубые пальцы на своих оголившихся бедрах, я дернулась и завопила, что было сил:

– Слезь с меня или я все расскажу Фурию!

Еще один не то поцелуй, не то укус в шею и рычание у самого лица:

– Не смей меня дразнить, пожалеешь!

Борат двумя широкими шагами убрался к себе, а я, едва сдерживая рыдания, выскочила в коридор. Поплутав немного в полутемных галереях, наткнулась на преторианскую стражу.

Пришлось соврать, что у меня срочное дело к Титу Сергию. Рослые парни в доспехах отпустили пару соленых шуточек по поводу моего растрепанного внешнего вида и безумных глаз.

– Так не терпится попасть в объятия старика? Красавица, лучше останься с нами, уж мы точно сумеем тебя развлечь.

– Оставь ее, Тарбий, – усмехнулся второй стражник, – гордая северянка дарит свои ласки только «жаркому солнцу». И тем, кто приближен к его обжигающим лучам.

Наверно, стражник подразумевал Цезаря – на его золотом нагруднике выбита колесница Гелиоса. Так незримая тень Фурия меня спасла от дальнейших приставаний солдат.

Глава 10

Как закончилась ночь

Тит Сергей Катон верно служил еще Тиберию, а после смерти старого императора остался на своем посту первого советника и казначея-квестора при его внучатом племяннике.

Думаю, Фурий ценил умного и честного управленца финансами. Хотя при мне не раз угрожал и даже оскорблял его, но тот удивительно стойко сносил раздражение всесильного владыки.

А я порой не знала, куда прятать глаза от стыда, видя с какой изощренной наглостью мой царственный ровесник унижает заслуженного пожилого человека. Однажды я даже попыталась осторожно заступиться за Катона, и мне удалось немного отвлечь раздражение Фурия на себя.

Может, поэтому я сейчас хотела найти поддержку именно в покоях советника. Тит Сергей был так необходим молодому императору, что давно обитал во дворце. Преторианцы указали верный коридор, и я без труда отыскала крыло, где размещались апартаменты квестора.

Чтобы найти его личную спальню мне также пришлось разбудить раба, храпевшего на соломенном тюфяке под тяжелой, окованной железом дверью. Бритоголовый мужчина

с азиатскими чертами лица лениво протер глаза и поплелся оповестить господина о нечаянной гостье.

Тит Сергей принял меня хорошо, не выказал ни малейшего недоумения по поводу позднего визита. Без расспросов усадил за стол из темно-зеленого камня и придвинул ближе серебряное блюдо с отборными финиками.

– Попробуй на вкус, они начинены орешками и изюмом, вымочены в меду. С некоторых пор люблю побаловать себя сладостями.

Вытирая слезы, я чувствовала возвращение уверенности. Тит Сергей умел успокоить одним только мягким голосом и доброй улыбкой.

– Ну, что у тебя стряслось, раз прибежала сюда, спасаясь, как пугливая козочка от голодного волка.

Засунув в рот сладкий финик, у которого вместо косточки внутри таилась медовая начинка, я на секунду зажмурила глаза от удовольствия.

И странное дело – недавнее происшествие в моей камерке вдруг показалось стыдно-смешным и волнующим одновременно. Стоило ли будить почтенного римского гражданина из-за такой ерунды, однако, пришлось рассказать Катону о своей проблеме в виде большого, мрачного солдата под боксом.

– Тит Сергей, прошу тебя, помоги найти другую спальню, я не хочу жить в проходной комнате рядом с чужим мужчиной. Это даже неприлично.

Пожилой казначей лукаво рассмеялся, откинувшись на лиловую подушку своего деревянного кресла.

– Может, похлопотать, чтобы тебя поселили к Мелине?

– Ни за какие коврижки не желаю жить с этими наглыми дамами!

– Сложно же тебе угодить, Валя, – притворно вздохнул Катон, беззвучно посмеиваясь. – Но я попрошу Афеса подыскать комнату ближе к кухне. Если, конечно, Фурий не прикажет перевести обратно в свои покои. В последние дни император не может и дня без тебя обходиться.

– Я буду очень благодарна за помощь! А что касается Цезаря, мне кажется, он готов дать разрешение на постройку нового акведука. И по поводу осушения болот вокруг Рима мы с ним недавно говорили. Пусть малярийные комары редко залетают на Палатин, но каково тем, кто живет в низинах Затиберья? Хороший правитель должен думать обо всех своих подданных.

– Ты слишком добра, Валя, – задумчиво произнес Катон и тихо добавил, – боюсь, скоро ему это надоест.

Я не на шутку разволновалась и тут же заявила, что не стану терпеть издевательства, а попытаюсь удрать. Могу ли я в таком случае рассчитывать на поддержку влиятельного сановника. Я осторожно прощупывала почву, прежде, чем сделать новый шаг.

Скрестив короткие узловатые пальцы на столе перед собой, Тит Сергей ответил строго:

– Валяя, ты здесь нужна! Еще не знаю, зачем именно, но верю своим авгурам. В прошлую зиму жрец четко сказал, что мой вопрос решит женщина из далекой чужой страны. Женщина с душой голубки и сердцем орлицы...

Забавное предсказание! Я даже вслух рассмеялась, совершенно оправившись от недавних тревог.

– О, нет, это точно не обо мне – я же трусиха! авгуры гадают на внутренностях животных? Жутко! Стоит ли верить... Я уважаю ваши традиции, конечно... Тит Сергей, а что за вопрос тебя интересовал? Это касается Фурия?

– Это касается Рима! – последовал раздраженный ответ. – Цари приходят и уходят, а Рим остается. Глупы те, кто думают, что Цезарь и есть Рим.

– Вы, кажется, демократ и республиканец, – брякнула я, не подумав.

– Если хочешь жить, прикуси язык и забудь наш разговор! – сурово глядя на меня, припечатал квестор.

– Угу!

Повисло длительное молчание. В коридоре послышалась тяжелая поступь часовых – их подбитые гвоздями калиги гремели по мозаичному полу, неподалеку сменялась стража. Тит Сергей устало потер переносицу ребром ладони и велел мне ложиться в приемной у его кабинета.

– Распоряжусь, чтобы тебе принесли покрывало и подушки.

– Благодарю тебя, мудрейший из мужей Рима! – провоз-

гласила я хвалу своему благодетелю.

Катон равнодушно принял мои комплименты – у таких, как он, каждый день куча раболепного народа толпится в приемной. Зато намекнул, что вскоре мне может выпасть случай принести более реальную пользу, чем льстивые слова. Конечно, старичок имел в виду не плотские утехы себе на радость, я была совершенно спокойна на этот счет.

Бывшая блудница Мелина проболталась, что Катон озабочен лишь государственными делами и благом отечества, а потому вовсе не падок на женские прелести. Зато советник знает толк в еде, от него пахнет не луковым супом, а медовыми пряниками и мятой.

Засыпая на жестком ковре поверх узкого ложа, я невольно вспоминала горячие поцелуи Бората. У меня полгода не было интимных отношений и каких-либо амурных интрижек, а тут мое неловкое кокетство, глоток вина, острый перец и лавандовые свечи...

Темная комната и большой мужчина с сильными жилистыми руками. До сих пор чувствую его дыхание на своей щеке. А если бы я уступила? Ох, лучше не представлять! Но какой же он импульсивный парень. И прямодушный, и откровенный... и горячий.

Во сколько он там меня оценил – в два денария? Довольно много. Я слышала, гвардейцы получают хорошее жалованье, и Фурий часто дарит им подарки, накрывает столы со всякой снедью. А еще Мелина намекала, что у Бората в Риме есть

дядя – владелец оружейной лавки.

И если бы сама Мелина не была наложницей императора, а Борат не выглядел таким угрюмым аскетом, то красotka непременно бы окрутила перспективного солдафона, которому, кстати, уже скоро выходить на заслуженную пенсию.

Также не обошлось без шуточек по поводу нашего с ним ночного соседства. Мелина ехидничала, что я упускаю прекрасный шанс проверить, насколько могуч и ловок его "таран" в бою. Сочиняла, что крепость моя непременно падет под натиском римского солдата, как это случилось во всех имперских завоевательных походах. Я напрягла память и хотела усомниться в победах Рима, но спорить не стала.

Да уж... Роман девушки из двадцать первого века с замшелым римским преторианцем – голубяам ближайшей базилики на смех! Нет, дядя с оружейной лавкой – это, конечно, мощный аргумент в его пользу. Но что у меня может быть общего с Боратом?

Только тот факт, что порой он вынужден присутствовать на наших посиделках с императором. После сегодняшней ночи я напушу на себя строгий вид и даже перестану улыбаться гвардейцу.

Подумаешь, очень ему нужна моя улыбка! С парой сестерциев Борату настежь открыты двери любого местного борделя, а солдаты, как известно, неприхотливы в развлечениях.

Уф-ф, не могу уснуть, да что за наказание, не выходит у меня из головы этот бешеный бык. Чего накинулся? Я про-

сто хотела поговорить дружелюбно... А он решил, что я его соблазняю. Древний дурак! Напугал. Хотя есть доля и моей вины, впредь буду вести себя разумней и осторожней.

Глава 11

Перед грозой

К обеду следующего дня вопрос с моей комнатой решился благополучно. Осталось забрать немного тряпок и свою дамскую сумочку из закутка Бората. Уже в первые дни дворцового обитания я обзавелась небольшим гардеробом: голубая и бледно-зеленая туники с короткими рукавами, тонкое домашнее платье – палла (одевалось поверх нижней туники) и оранжевый плащ – накидка.

Нарядами меня снабдил Афес – молчаливый грек, назначенный смотрителем за всеми "гостями" дворца, не являющимися родней Цезаря. Также Афес занимался вопросами интимных развлечений первого человека Рима, однако все наложницы размещались по отдельным покоям в зависимости от благосклонности Фурия.

К моменту моего появления на Палатине в фаворитах ходила пышногрудая Мелина или «кобылица из Остии», как небрежно называл ее Катон в наших частных беседах.

Любимица цезаря немного скучала во дворце и не раз приглашала меня к себе поболтать, но я обычно отвечала отказом, боялась навлечь на себя неприятности. Вдруг, обнаружив нашу дружбу, Фурий решил попробовать и меня на роль гетеры.

Сегодня же после некоторых раздумий я согласилась на краткий визит в покои бывшей портовой "звезды", хотела немного расспросить о местной моде, какого бы нрава не была Мелина – одевалась она со вкусом, а ее длинные, выкрашенные хной волосы, всегда затейливо укладывали рабыни.

Скорее всего, мне просто хотелось побеседовать с женщиной, которая ненавязчиво предлагала себя в советницы. Я ее тоже понимаю, она боялась за свое благополучие, как и Катон желала знать, о чем думает "господин ее тела". Слишком часто мы оставались с цезарем наедине.

А вот Тулия, на мой взгляд, была глуповата и жила одним днем. Напоминала пеструю бабочку, беззаботно порхающую над цветами. Что-то с ней будет, когда померкнет красота хрупких крылышек...

Едва я завела речь о прическе и лентах, Мелина фыркнула, бросив в меня персиком из большой плетеной корзины.

– Хочешь привлечь Фурия нарядами? Даже не мечтай! Император любит дородных женщин с большой грудью и мясистыми ляжками, а не таких худосочных замухрышек. У тебя только глаза красивые, как у коровы и звучный голос. Тебя нужно слушать, а не трогать. Да возмись за тебя покрепче в постели – ты будешь хныкать и пищать, сразу видно, какая ты неженка. А нашему Фурию нравятся страстные и горячие, словно угли... Так я говорю, Тулия?

Наперсница ее жадно облизывала тонкие губы, по которым тек душистый персиковый сок. Я обозвала Мелину за-

нудой и попыталась убедить, что не имею желания занимать ее место у чресел цезаря. Даже представить такого не могу. Уж лучше оставаться певчей птичкой в золотой клетке, комнатной собачкой, заблудившейся в роскошных покоях.

Мне в самом деле нравилось беседовать с Фурием и даже стало казаться, что он воспринимает меня всерьез. Да, он подвержен вспышкам гнева и осыпает площадной бранью слуг, но при мне порой старается сдержаться, не раз это замечала. Правда, Катон недавно намекнул, что я занимаю особое место во дворце не случайно. Будто бы напоминаю Фурию умершую от лихорадки сестру, которую он нежно любил.

– О чем задумалась, Валия? Вижу, тебе тоже скучно сегодня? И темные круги под глазами... Похоже на последствия бурной ночи. Попробую угадать, солдат все же взял твои бастионы и до утра ловил томные вздохи покорившейся добродетели.

Мелина отлично знала, чем можно меня задеть. Я покраснела, в груди стало горячо... Наверно, от злости на себя саму, точнее на то, как откликается тело на слова блудницы о Борате. Но я в долгу не останусь, попробую пощипать и ее пышные бока.

– Ах, ты селедка остийская! Зря лопаешь персики, с них, говорят, худеют. Смотри, разлюбит тебя повелитель, отправишься обратно в лупанар развлекать богатеньких стариков.

– Да ты врешь!

Кажется, мой укол попал в цель. Мелина испугалась, а полуголая Тулия хохотала, развалившись на широком ложе подруги. Смотритель Афес не обращал внимания на их маленькие совместные шалости. Лишь бы не слишком утомляли друг друга перед тем, как ублажать императора. Все же, думаю, их взаимная нежность была показной и получила начало именно от странных забав самого Фурия.

Наконец Мелина поняла, что я просто шучу и в знак примирения предложила выбрать лучший из розоватых, покрытых мягким пушком плодов.

– Подарок императора! – хвасталась Мелина, прикладывая надкушенный персик к своему вытянутому соску, словно грудного ребенка, и я вслух порадовалась за нее и за себя. Пока Фурий довольствуется прелестями римской куртизанки, Валия в безопасности. Пусть так будет и впредь.

Но когда в комнату забежал раб-сириец и, переводя дыхание, передал, что Фурий срочно требует меня в свои термы, девицы дружно зашипели в мой адрес:

– Чем ты привораживаешь его, северная змея?

Я только руками развела, переводя взгляд за окно. Порыв свежего ветра откинул расшитые золотом занавески. Небо темнело, к ночи будет гроза.

– Спокойствие, милые дамы, мы просто разговариваем о культуре и искусстве. Впрочем, знаменитый художник Климт говорил, что эротика – это тоже искусство. Но надо еще понять, что именно есть эротика...

Я приняла крайне глубокомысленный вид, тщательно пряча усмешку. Курчавый раб в отчаянии схватил меня за руку.

– Быстрее, госпожа, повелитель не любит ждать!

Через пару секунд мы уже мчались по длинным извилистым коридорам и сводчатым галереям в личные купальни Фурия. Я еще ни разу там не была, неужели придется вести разговоры о пользе ежедневных гигиенических процедур. Римляне в этом прекрасно подкованы. У меня отчего-то прекрасное настроение, если Фурий попросит что-то прочесть, я начну с "Мойдодыра":

– "... давайте же мыться, плескаться... всегда и везде вечная слава воде!"

Глава 12

Жалкое зрелище

Император принял меня, будучи погруженным в небольшой порфировый бассейн, наполненный водой с арабскими и индийскими благовониями. Терпидарий весь пропитался ароматами сандала, гвоздики и нардового масла. Мой чувствительный нос трепетал, не в силах справиться с обилием всевозможных "угощений".

Фурий просто фанатик запахов, после долгого общения с ним у меня порой болит голова.

– Валяя, посмотри-ка, что мне привезли из Эллады!

Мой взгляд остановился на обнаженной женской фигуре из белого мрамора. Боясь прослыть невежественной, я не рискнула спросить – богиня ли передо мной или просто полнотелая гречанка. Изящные каменные руки сжимали кувшин, а вокруг шеи была обвита виноградная лоза, спускавшая на округлый живот кисть крупных ягод.

– Она прекрасна!

Я благоговейно поклонилась статуе и смиренно опустила глаза, ожидая дальнейших распоряжений. Между тем правителю уже помогли выбраться из воды двое крепких рабов. Нисколько не стыдясь своей наготы, Фурий встал неподалеку от меня и принялся рассматривать свое отражение в по-

лированных стенах из черного мрамора.

– Скажи мне, Валия, а я, по-твоему, красив? Нет-нет, смотри прямо, я желаю знать!

Неловкая ситуация. Стоит передо мной голый парень тридцати лет, сам немного выше меня, плечи сутулые, животик слегка обвис, ноги тощие и кривые, руки длинноваты. Зато бледная кожа источает аромат розы и лилии. Слишком терпко, начинаю задыхаться...

Ничего не могу придумать умнее, чем сравнить Цезаря с Дионисом. А вот и не угадала с разбега!

– Значит, Марс из меня не получится? Жаль. Но ты хотя бы ответила честно.

Досадливо кряхтя, Фурий улегся на массажный стол и раскинул руки. Рабы тут же кинулись разминать благородные тела и умащать их новыми благовониями. Я уже не могла различать запахи, в носу щипало от цветочной смеси.

– Разденься!

– Что? – растерялась я, никак не желая поверить, что странный приказ адресован именно мне.

Фурий приподнял голову, развернулся и вдруг резко ударил по лицу ближайшую к нему рабыню в прозрачной накидке, видимо, чем-то не угодила. Алебастровый флакончик с маслом упал на мраморный пол и разбился, а девушка как ни в чем не бывало продолжила массировать узкую спину императора.

– Валия, я велел тебя раздеться! Сними одежду и встань

рядом с греческой вакханкой, я хочу сравнить.

Кроме меня и Фурия в терпидарии было еще с десяток рабов разного пола, но сейчас в мою сторону смотрел только Фурий. Впрочем, наготой здесь никого не удивишь, сами рабыни склоняясь на Цезарем, невольно оголяют грудь, а на мужчинах только набедренные повязки.

Я медленно потянула свой пояс. Главное, держаться с достоинством. В конце-то концов, я же в римской бане нахожусь, так чего же стыдиться...

Он разглядывал меня с любопытством ученого или скульптора. Я даже выдохнула с облегчением, когда Фурий заявил, что пропорции мраморной девицы ему кажутся более совершенными, нежели мои.

– У тебя заурядная фигура, Валия, – лениво процедил Фурий, зевая и часто смаргивая. – Но это мнение ценителя красоты, а что бы сказал простой человек. Интересно... А-а-уах! (смачный зевок) Эй! Позовите сюда моего верного Бората.

Вот теперь мне стало по-настоящему страшно. Одно дело стоять голышом перед пресыщенным и почти засыпающим владыкой Рима, а совсем другое выставить себя напоказ бывшему соседу преторианцу. Уж тот, несомненно, оценит мои скромные прелести по заслугам!

Руки сами тянулись прикрыть грудь. Или пах... Но дрожать как стыдливая девственница перед пожилым феодалом я тоже не собиралась.

А потому, стоило Борату появиться в дверном проеме, как

я гордо выпятила грудь и втянула живот. Собственно, живота у меня особенно и не было, но отчего-то хотелось выглядеть еще более поджарой.

Многим римлянам нравятся пышки, может, буду казаться худой и оттого не особо привлекательной. А вдруг Борат как раз имеет извращенный вкус и ему больше по душе невысокие, стройненькие... светловолосые...

От пристального взгляда знакомых желтовато-серых глаз мне стало жарко. Да Борат сам чуть не окаменел, настолько не ожидал увидеть меня в костюме Афродиты, рожденной из морской пены.

В ушах гудел противный голос императора:

– Скажи мне, солдат, эта женщина красива на твой вкус?

«А я и не знала, что ты такой развратник – Фурий Германий Август! Или для тебя это невинная шуточка и только?»

Борат медленно перевел взгляд на повелителя, которого уже бережно закутывали в белоснежную тогу, тщательно расправляя ее многочисленные складки.

– Да, она хороша.

Фурий досадливо прищелкнул языком и покачал взлохмаченной рыжеватой головой.

– Так чего ты стоишь у двери, дубина, подойти ближе и рассмотри, как следует!

Я решила выразить протест так громко, как только могла в данной ситуации:

– Благословенный Цезарь, позволь мне одеться, чтобы не

мешать тебе наслаждаться видом настоящего произведения искусства руки греческого мастера.

Нервно кивнув в сторону статуи, я потянулась за своей туникой, небрежно брошенной на скамейке.

– Подожди, Валя, дай ему полюбоваться на твои груди. Здесь жарко, но соски отчего-то стоят торчком.

Он издевался! Фурий откровенно издевался надо мной, а Борат побагровел и не совсем понимал, как себя вести. Уставился на меня широко раскрытыми глазами, а если и опускал их, то явно не в пол, а кое- куда повыше, например, на мои дрожащие колени.

Я разозлилась, и возбужденное состояние вдруг придало сил.

– На что тут удивиться, о Цезарь, затмевающий солнце красотой и умом! Думаю, Борат на своем веку повидал немало девиц фигуристей и смазливей. Избавь же своего лучшего телохранителя от унылой обязанности на меня смотреть. Фурий, это даже не смешно! Мы не на сцене находимся.

– Одно мое слово – и здесь будет сцена. Читай!

– Что... читать?

– Какие-нибудь драматические стихи, подходящие моменту.

Едва унимая нервную дрожь, я судорожно вздохнула и ломким, срывающимся голосом начала говорить:

– *Как этот вечер грузен, не крылат,*

*С растрескавшейся дыней схож закат,
И хочется подтолкнуть слегка
Катящиеся вяло облака.*

Мне хотелось провалиться сквозь мраморный пол и уйти под землю, сейчас я искренне завидовала ароматным ручейкам, свободно покидающим душную залу через мелкие сливные отверстия пола. Мне такой возможности не дано. Придется играть жалкую роль до конца.

Но разве не в моих силах придать своей позе хоть немного достоинства и величия. Ведь я читаю прекрасные стихи замечательного поэта. Хотя и стою в чем мать родила перед кучей мужчин.

Боже, какие мелочи для древнего Рима, рукоплещущего кровавым поединкам, после которых нарасхват идут бутылки с кровью заколотых гладиаторов, считается, что это прекрасное лекарство и афродизиак!

*– ... В такие медленные вечера
Коней карьером гонят кучера,
Сильней веслом бьют воду рыбаки,
Ожесточенней рубят лесники
Огромные кудрявые дубы... (с)*

Император будто не слушал меня, рассеянно почесывал бритый подбородок, а потом обратился к Борату.

– Скажи прямо, Валия тебя привлекает?

Солдат сначала стоял как столб, только верхняя губа криво приподнялась да вздулись синие вены на висках. А потом Борат пожал плечами, и я, наконец, прикрыла руками грудь, отступая за статую и тихо бормоча из своего иллюзорного убежища:

– Фурий, мне зябко. Зачем устраивать нелепый спектакль... Позволь одеться. Прошу тебя!

Насмешливый голос снова заставил вздрогнуть.

– Зачем врать, Валяя? Я истекаю потом, а ты жалуешься на озноб в моих термах. Чего застыл, Борат, – потрогай ее там, где хочется. Сегодня я тебе позволяю.

Услышав новый приказ, Борат тут же встрепенулся, накинул на правую руку лежащее на скамье платье и подошел вплотную ко мне. Фурий гаденько хихикал, развалившись в кресле, как же я его ненавидела в этот момент...

– Тащи сюда эту скромницу, ишь, спряталась! Скажи, ее сиськи больше, чем у каменной вакханки? А достаточно ли упруги, лень проверять самому.

Когда Борат коснулся моего плеча, я злобно прошептала ему в лицо:

– Зарежу ночью, так и знай! Или отравлю. Еще чего-то придумаю. Только попробуй!

Невзирая на мое слабое сопротивление, тяжело дыша, солдат замотал меня в тонкую ткань и подвел к ложу Фурия. А там, смиренно склонив голову, произнес:

– Валяя твоя певчая пташка, Господин. И как женщина

совсем меня не интересует.

Император сладко потянулся, издавая ехидный смешок.

– Да неужели? Это легко проверить. Приподними край туники. Хочу посмотреть на твой пенис. Может, хотя бы он не соврет.

Я стояла, еле жива от нахлынувших эмоций. Стыдно, страшно, жалко себя и... даже Бората. Надо пережить этот позор и куда-то бежать. Но ведь никто не поможет, я в ловушке из мрамора и позолоты.

– Господин... – попробовал заговорить преторианец, но Фурий повысил голос до поросячьего визга.

– Давай, покажи нам своего петушка, Борат. Или ты в одночасье стал бабой? Валяя, помоги ему, если у моего храбреца так трясутся руки.

– Не нужно, я сам!

Потом цезарь велел мне смотреть на поднявшийся мужской орган бывшего соседа по комнате. Нда-а, увиденное, может, и впечатляло, но сейчас я вовсе не была настроена на романтический или даже шутливый лад. Все во мне бунтовало против скотского обращения со стороны человека, которого я считала покровителем и даже немного другом.

Бедная наивная Валентина! Уж следовало бы поверить предостережениям Катона или сплетням Мелины. После сегодняшней мерзкой сцены Фурий для меня развратный ублюдок и только. И как я могла польститься на его разговоры о музыке и театре!

Я душу перед ним вывернула, вдохновенно рассказывала ему истории о благородстве и мужестве, а он из одного каприза заставил меня глазеть на вздыбленный член своего солдата.

По счастью двери терпидария растворились и запыхавшийся слуга передал сообщение, что из длительной поездки сегодня возвращается советник Дакрон. Он посылает любимому государю горячий привет и богатые дары из провинции.

Услышав о прекрасном сером жеребце, Фурий чуть не вприпрыжку убежал из купальни, забыв обо мне. Торопливо поправив одежду, Борат метнулся за ним, но у самых дверей зачем-то обернулся и словно в бреду произнес:

– Валия... не плачь и не злись. Я не желаю тебе плохого. Встретимся ночью. Если не придешь сама, я тебя найду, куда бы не спряталась. Нам нужно поговорить.

Стуча зубами в нервном припадке, я натянула на себя столу, хотя меня ужасно раздражал исходящий от нее запах благовоний. Доберусь до своей комнаты, переоденусь в родной сарафанчик и продумаю план побега. Не останусь жить с этими ползучими гадами.

Девушка-рабыня подала мне влажное полотенце – лицо обтереть. Кинув мимолетный взгляд на ее разбитую губу и заляпанную кровью тунику, я горько разрыдалась, понимая, что меня ожидает во дворце развращенного Императора.

Глава 13

Фурий

Император мрачно глядел из окна своей спальни на заходящее солнце. Тяжелые тучи темным плащом покрывали небо, усиливалась духота. Ничего – ночной дождь прибьет пыль на дорогах, смоет нечистоты на улицах, наполнит открытые бассейны свежей водой, но не сможет дать живительной чистоты истерзанному сердцу хозяина Рима.

Одна Марцилла поняла бы его, но Марцилла уже полгода гниет в семейном склепе Августов.

Фурий шумно втянул в себя воздух с улицы – пахло надвигающейся грозой, словно морем и соснами. А в комнате уже нечем дышать от смеси цветочных масел, пропитавших одежды и занавеси. Фурий готов сутками напролет поливать себя благовониями – после смерти дорогой сестры ему везде мерещатся трупные миазмы.

Так ведь он сам виноват – трое суток не давал хоронить Марциллу, лежал рядом с ее остывшим телом, не желая верить в то, что единственная любовь покинула его навсегда.

Они убили ее. Патриции, всадники, менялы и торгаши – напыщенные корыстолюбцы и похотливые пиявки. Они подсунули яд в кушанье. И лекарь зря болтает о простуде. Не-ет, они хотели сделать Фурия слабее, лишить его опоры

и разума.

Так пусть получают трусливого безумца на троне! Оголтельный сброд заслужил унижения и грабеж. Все они столь же далеки от планов Императора, как смертные от замысла богов.

«Я залью кровью амфитеатры Рима, заставлю толпу одуреть от вида помпезной смерти. Я велю собрать лучших бойцов империи и толпа возликует, глядя на их предсмертные муки на золоте арены. Это будет красиво и страшно. Пожалуй, стоит записать, пока не забыл... Кровь и песок... Да, я создам новую поэму и восславлю торжество смерти, собирающей жатву на руинах человеческого ужаса».

Фурий отошел к столу и придвинул к себе навощенную деревянную табличку. Но вскоре выронил из руки серебряное стило с железным наконечником, вспомнив, как ненавидела Марцилла гладиаторские бои и часто просила отменить смертельные поединки. Сестра была слишком добра, а он смеялся над ней. Марцилла считала их любовную связь преступной, а он не мог сдерживать животную страсть.

Он хотел ее каждый день – только ее, ведь Марцилла была глотком прохладного вина в жаркий полдень, тихой гаванью посреди политических интриг. Ей одной он желал подарить этот пестрый разноязыкий город, утопающий в роскоши и разврате.

Бедняжка не выдержала бремени его обожания и сломалась, как хрупкий садовый цветок. Кто же заменит Марцил-

ду...

Новая девка с площади поначалу чем-то напомнила сестру, оттого-то Фурий и приволок ее во дворец, на время оградив от прочих потаскух. Мираж скоро развеялся, Валия оказалась слишком чужой и далекой.

Но глядя на ее высокий лоб, увенчанный диадемой светлых волос, замечая, как блестят бисеринки пота на висках, когда она рассказывает о богах и героях чужих, незнакомых стран, Фурию казалось, что перед ним снова стоит нежная чувствительная Марцелла и, соединив тонкие кисти белых рук, читает стихи Овидия.

Ради мимолетной иллюзии схожести Фурий и терпит подле себя уличную актрису. Правда, Катон сказал, что она из благородной семьи, и впрямь, хорошая порода видна в ее осанке и манерах. У Валии прекрасно поставлен голос, а дивные истории, слетающие с ее уст, уже который день волнуют пылкий ум императора.

Авторы прекрасных стихов истинные творцы, но почему никто в Риме не знает их имена? Валия говорит, что это скромные поэты: греки, азиаты, варвары... Может, девица скрывает тайну, и сам Аполлон нашептывает ей по ночам благозвучные строки?

А Брат слишком глуп, чтобы выведать секрет чужестранки, хоть и спит с ней почти что в одних покоях. Может, поручить остийской шлюхе Мелине сойтись с ней поближе и узнать, не посещают ли Валию на самом деле Музы.

В последнее время актриса себя высоко ставит, слишком много рассуждает о том, куда ей вовсе не следует совать нос. Недавно вздумала учить Фурия, как надо говорить с Катонем. Неслыханная дерзость – поучать императора! Даже Марцилла не смела спорить! Сестра понимала его без слов.

"Сегодня в термах Валия получила хороший урок. Надеюсь, впредь будет открывать рот только по приказу. А Борат, кажется, распустил слюни перед ее чистенько выбритой *sunni*.

Припомнив скабресную сцену в купальне, Фурий громко расхохотался. И впрямь было забавно наблюдать, как Валия отчаянно старалась сохранить гордый вид, но была бледнее мрамора и дрожала как от озноба.

Борат мог бы поймать ее прямо там, но, похоже, не верил, что император желает именно этого зрелища. Пожалуй, стоило отдать приказ. Девчонка начала бы вопить и дрыгать ногами, оберегая свою узкую дырку. А с чего так трястись? Валия уже знала мужа, так почему бы не развлечь императора приятной сценкой. Минутное дело.

«Борат глуп и упрям, но по первому требованию готов подать мне сердце своей матери на кончике ножа. Борат закроет меня собой в минуту опасности, он преданнее собаки. Надо бы его наградить... хм... за две прошедших войны у него есть венки и фалеры, жалованье хорошее, может, теперь позволить ему вволю пощипать эту белую курочку...».

Фурий развалился в кресле, укрытом пушистой тигровой

шкурой. Фантазии о том, как преторианец насильно овладевает Валией несколько разогрели кровь.

– Эй, крикните Афеса! Пусть приведет сюда мою жирную свинку. Я хочу потрепать ее сало.

Спустя менее десяти минут в покои Цезаря прокралась пунцовая от волнения Мелина. Темные завитки волос спадали на влажную после купания, полуоткрытую грудь.

– Ты желал видеть меня, Господин. Я готова служить тебе. "Еще бы тебе не быть готовой... это не на мельнице вертеть жернова, не ублажать вонючих матросов в порту... гм... порт, пристань... корабли... надо лично проверить, как идет подготовка к морскому сражению – этим лизоблюдам нельзя поручить ничего серьезного".

Задумавшись, Фурий рассеянно ковырял в ухе специальной золотой ложечкой, пока затуманенный грезами взор вновь не остановился на распростершейся у его ног женщине. Разве он вызывал эту откормленную гусыню? Может, лучше провести вечер за высокой поэзией под мелодичные звуки лиры.

Мальчишка музыкант прячется за складки тяжелой шторы, – он смазлив как юная девка, у него пухлые губы и длинные черные ресницы. Гречонок... Наверняка смугловатая кожа окажется гладкой и нежной на ощупь. Так приятно будет проткнуть ее острой иглой, сладострастно вслушиваясь в крик боли. Но и эта забава давно наскучила. Нужно придумать развлечение интереснее.

– Эй, подойди ко мне! Ты уже брал женщину?

Молодой раб зарделся и отрицательно покачал головой. Все более распаяясь, Фурий удобнее откинулся в кресле и шире расставил ноги.

– Мелина, сделай мужчиной этого юнца. Я хочу посмотреть. Говорят, в первый раз мальчикам тоже бывает больно. Я уже и забыл.

Пристально наблюдая за тем, как расторопная наложница соблазняет неопытного юношу, Фурий с досадой осознал, что его собственная плоть слишком вяло реагирует на откровенное зрелище.

Все слишком знакомо и скучно. Одни и те же уродливые телодвижения, схожие с предсмертными корчами. Мелкая будничная похоть выглядит гадко и унижает человека.

А что тогда его возвышает? Пожалуй, только благородная неистовая страсть. Воля к победе. Борьба и ярость. Да... Арена под открытым небом и кучка людишек, голыми руками обороняющихся против пары голодных львов. Хм... все же придется дать им короткие мечи. И у столба привязать раздетой невинную девушку.

Пусть достанется победителю схватки. Неважно – выжившему гладиатору, что едва стоит на ногах или косматому красавцу с сапфировыми глазами и окровавленными клыками.

Фурий припомнил Марса – своего любимого льва, за триумфами которого не раз наблюдал, еще сидя рядом с Тибери-

ем. Что может быть прекраснее, чем звериная грация и мощь вкупе с уверенностью в своем праве рвать слабую плоть.

Есть еще Хрисагора – сильная, молодая львица. Она привлекла внимание Фурия тем, что долго играла со своими жертвами, прежде чем ударом могучей лапы разmozжить череп преступника или бестиария – гладиатора, обученного драться с дикими зверьми.

Как ничтожны эти судороги на любовном ложе перед таинством смертельного поединка!

Фурий разочарованно взирал на подпрыгивающие груди Мелины, когда она плавно поднималась и вновь опускалась на худые бедра музыканта. Тот жалобно всхлипывал, закатывая глаза и смешно кривил губы то ли от боли, то ли от восторга. Унылое зрелище. Даже актерскую игру интересней смотреть.

Фурий крикнул слугу и велел принести ужин, но увидев перед собой огромного лангуста тотчас вспомнил об одной давней забаве в лупанаре на Новой улице.

– Афес, пошли весточку Дакрону, передай, что я жду его в «Голодной устрице». Да вели подать простую одежду, я хочу выйти тайно.

– Кто будет сопровождать вас, господин? – поклонился грек.

– Преторианцы префекта Кассия, кстати, старика я тоже беру с собой, ему надо размяться, в последнее время он замкнут, будто что-то скрывает от меня. Амфора цекубского

хорошо развязывает язык, особенно за пределами дворца.

Когда под охраной десяти вооруженных стражей, укрытый широким галльским плащом, Фурий покинул свою резиденцию, на Палатин опустилась ветреная ночь.

В этот раз гроза прошла стороной, только на западе еще долго были заметны ослепительные вспышки молний, разрывавшие темный покров небес.

Глава 14

Встреча в саду

*Если вдруг забредаешь в каменную траву,
выглядающую в мраморе лучше, чем наяву, иль
замечаешь фавна, предавшегося возне с нимфой,
и оба в бронзе счастливее, чем во сне, можешь
выпустить посох из натруженных рук: ты в
Империи, друг.*

(с)

Валия

Покинув дворцовые термы, я до самого вечера бродила по белым песчаным дорожкам сада. Созерцание старых дубов, стройных пиний и кипарисов, между которыми весело журчали струи фонтанчиков, немного утешило меня. Никогда прежде я не видела таких роскошных розовых кустов и невольно отвлекалась от грустных мыслей, вдыхая чарующий аромат полураскрытых бутонов.

В императорском саду можно было заблудиться: заросли мирта и олеандра, клумбы с ирисами, фиалками, нарциссами и тропинки между ними напоминали настоящие лабиринты.

Мне попадались рабы разного возраста, кто с ведром и лопатой, а кто и с большими ножницами, – столь величественные сады требовали ежедневного кропотливого ухода. Я ви-

дела кустарники, подстриженные в форме животных и птиц, например, фазанов и медвежат из самшита.

Подневольные рабочие тоже порой замирали, любуясь белоснежными лебедями, скользившими на глади маленьких прудов или задирали головы вверх, чтобы прислушаться к пению птиц, привезенных из разных уголков империи.

Когда же взгляд мой наткнулся на мраморную статую, я отворачивалась, вспоминая коварство и низость Фурия. Смутная мечта о бегстве была разбита, все выходы из сада охранялись преторианцами, моя жалкая попытка покинуть дворец не увенчалась бы успехом. Нужно действовать осторожнее и тщательней подготовиться.

Может, Брат выведет меня из этой ловушки... Он настаивал на разговоре, но видеть солдата сейчас не хочу. В душе сплелись стыд и досада. А ведь Брат вел себя достойно, почти не пялился и не лапал меня, хотя мог бы в свою очередь отомстить за мое пренебрежение к его персоне прошлой ночью.

Надвигается гроза. Может, спрятаться в одном из искусственных гротов, вход куда едва виден из-за густого плюща... Отодвигаю живую завесу растений, вглядываюсь в полумрак. Там прохладно и пахнет сухим подвалом, а еще в глубине пещеры расставлены бюсты римских богинь. Их незрячие выпуклые глаза пугают меня. Нет, лучше промокнуть, но добежать до дворца.

Порыв ветра растрепал мои волосы, бросил в лицо горсть

сухих листьев и сора. Пока я моргала и вытирала слезы, сидя у маленького бассейна, даже не заметила, как подошел Борат.

– Вот ты где! Я уже обыскался, сначала думал, побежала жаловаться старику Катону.

– Как видишь, всего лишь собираюсь утопиться!

Откуда только у меня взялись силы дерзить. Почему-то я совсем не боялась большого хмурого мужчину. Он ничего не скрывает, говорит прямо, что думает и чего желает.

Борат внимательно вглядывался в мое лицо, а потом протянул руку. Я гневно ее оттолкнула, а он усмехнулся.

– У тебя веточки в волосах, я хотел убрать.

– Лучше скажи, где сейчас этот извращенец?

– О ком ты говоришь? – наивно изумился Борат.

– Самому догадаться трудно?! – гаркнула я. – Смотрю, ты неплохо устроился – местечко тепленькое, платят солидно, так еще и развлечения между делом. Часто тебе отдают приказы голых баб щупать?

Меня трясло от злости и несправедливости, а может, от страха, который я тщетно пыталась скрыть. В памяти резко встали описания расправы над первыми римскими христианами во времена Нерона – несчастных зашивали в шкуры оленей и выводили на арену, куда позже запускали тигров и львов. Толпа зрителей, занявшая Колизей, улюлюкала и гоготала, глядя, как женщин и детей рвут на части голодные хищники.

Кажется, я покачнулась, и Борат меня подхватил, тесно прижимая к себе. А потом у моего лица раздался знакомый жаркий шепот:

– Я надеялся, он не тронет тебя в память о сестре. Все так думали. Ты немного похожа на Марциллу. Такая же добрая и нежная, говоришь красиво и складно. Она часто плакала и бывала больна, и тогда он днями сидел у ее кровати, обещал исправиться. Потом она потеряла ребенка и совсем слегла. Фурий собрал лекарей, обещал им немислимые богатства, лишь бы вернули цвет ее бледным щекам и прежнюю улыбку. Фурий очень ее любил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.